

НИНА КАРОТИНА

Меч на твоей стороне

Книга 3

Нина Каротина

Меч на твоей стороне

«Автор»

2025

Каротина Н.

Меч на твоей стороне / Н. Каротина — «Автор», 2025

Горный перешеек - узкая дорога в Пограничных горах, которые разделяют два непримиримых государства. В очередном бою за перешеек Росс попадает в плен в стране, где правят суровые королевы, где жизнь подчиняется чужим законам, которые он не может понять и принять. Он - неудачник по жизни, потерял дом, семью, друзей и свободу. И теперь он строит крепость в городе, где главенствуют шесть воинственных алесциек и одна грозная королева. Попробуй выпутайся из истории, где женщины сражаются на ристалищах, где ты оказываешься в центре интриг и борьбы за власть, где тебе нужно вернуться домой, а свободу тебе может дать только одна из них.

© Каротина Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нина Каротина

Меч на твоей стороне

Иллюстрации к книгам созданы автором и продолжают публиковаться на канале https://t.me/nina_karotina

Глава 1

Королевство Алесция. Область Асция. Город Сиуца.

Очередная зима отступила под натиском весенних ветров. Теплое обновление повсюду, земля прогревается под ярким южным светилем. Повсюду свежие краски зелени, под ногами густой ковер шелковистой свежей травы, в небе голубой цвет божественной милости. Дни Весенних костров и месяцы до летнего зноя – самая прекрасная пора в Алесции. Это время любви, время надежд и время королевских игр в Сиуце.

С прошлого года в городе много изменений. Восточное предместье и вовсе не узнать. Стена, словно живая, наползает с юга на север, отделяя город от леса. На юго-востоке в ее цепи разрыв, где поднимает свой стройный стан первая из пяти сторожевых башен.

На строительстве много людей, среди них полсотни новых невольников. Новичками заправляет мастер Эрдж, он сдержан, понятлив и осторожен, но и его терпению порой приходит конец. Он покрикивает на лентяев, наказывает за разгильдяйство и торопит со рвом. И мало значит тот факт, что сам он из невольников, он и слышать подобных отговорок не желает.

Стена Сиуцы – дело всей его жизни, он почти не отходит от стройки, остается ночевать в новой башне, подложив под голову чертежи. Здесь он ест, часто на ходу, мокнет под дождем, ругается с надзирателями, что мешаются под ногами, гоняет ребятишек, что любопытной толпой носятся вдоль рва, ссорится с мастеровыми, спорит с лерцидами и Королевой.

Его дочери семь с лишним лет, она все свое время проводит с отцом. Пока она маленькая, ей позволено много больше свободы, чем хотел бы сам Эрдж. Она прилипчивым хвостиком увязывается за ним повсюду, спешит собрать упавшие бумаги, провести спешные замеры или подать затерявшийся инструмент. Лилиша настойчиво кормит отца, если он заработался и забылся, если он занят и его не беспокоить, если он устал и не хочет есть.

Лилиша с удовольствием проводит время на стене, она знакома с каждым камнем, на каждом прыгали ее ножки, на некоторых нарисованы смешные рожицы. Девочка готова вскарабкаться там, где нет лестницы, взобраться там, где камни плотно подходят друг к другу, и стена практически неприступна. Она, словно легкая ящерка, ловко преодолевает любое препятствие, прыгает без страха, летает без крыльев.

Эрдж и ругал маленькую негодницу, и наказывал, и гнал от себя, но добился лишь того, что девочка окончательно прибилась к стройке. Здесь она знает по имени и в лицо каждого невольника, учится ловкости и зарабатывает синяки и ссадины, здесь разобралась сначала в чертежах, а уж потом в буквах.

Команду первой полсотни невольников возглавляет каменщик Ярун. Некогда сам невольник, он по зрелом размышлении оставил барак на въездной площади и согласился примерить одежду мастера. Его подопечные работают на Черном холме, где добывают и обрабатывают камень, в то время как готовые валуны Эрдж и его люди укладывают в стену.

У Яруна сразу два ученика. Мальчишки семь и тринадцать лет, чернявые и шустрые. Младший Оджей, большеглазый сорванец, друг Лилиши, смысленный и ласковый. Он с первого дня приставлен к Яруну, не сводит с него влюбленных глаз и внимает каждому слову.

Его старший брат Эрлей, серьезный, ответственный, молчаливый. Он смотрит столь проникновенно, что становится не по себе. Ребенок-мужчина, Эрлей готов работать, учиться и выполнять любые поручения, лишь бы оказаться полезным, лишь бы братьев не прогнали из города, не обвинили в праздности и никчемности.

Ярун долго осваивался с ролью учителя, а там и няньки двух вихрастых мальчишек. Он полюбил их, привязался и крайне сожалел, что согладаясь им назначена Радона. Уж он-то знал, какая из железной Лерциды надсмотрщица, и потому здесь его ожидал приятный сюрприз.

Радона вопреки всем ожиданиям полностью восстановилась после тяжелых ранений, полученных на прошлых королевских играх. Она едва заметно хромот, но это не мешает ей достаточно ловко двигаться, более того, ее походка приобрела некую женственность и даже грациозность. И уж совсем травмы не повлияли на ее мастерство в боевых искусствах. Часами она тренировалась с воинами и учениками, чтобы как можно скорее вернуться к своему отряду.

Каждый вечер железная Лерцида забирала сорванцов с Черного холма и сопровождала в свой дом. Раз, когда она не успела это сделать, мастер сам привел учеников. Хозяйка вернулась домой поздно, и нашла там не только довольных и сытых сыновей, но и хлопотавшего у очага ригоронца. Тот оказался настоящим кладом талантов, включая поварское искусство, что было кстати, учитывая совершенную беспомощность в этом вопросе Лерциды.

Он засиделся за столом до ночи, Радона наелась до икоты и влюбленными глазами взидала на счастливых сыновей.

В другой день Радона и Ярун проспорили полночи, сидя на крыше дома, о происхождении созвездий ригоронских и алесцийских. К утру Ярун свалился на землю, а железная Лерцида растирала его ушибы пахучими мазями.

Следующим вечером на крыше сидели все четверо, дети рисовали звездную карту, родители азартно делили небо на королевство и империю, едва не подрались, но не подрались, ибо рядом безмятежно заснули два мальчугана.

Однажды Ярун остался с ними навсегда. Радона на королевских играх осторожничала, и, если все считали, что та берегла себя после травм, сама женщина была твердо уверена в том, что скоро у нее родится девочка светловолосая и вихрастая.

В доме Уши суций кавардак. В начале зимы у нее родилась дочь, долгожданное событие для счастливых родителей. С первого крика малышки алесцийская семья боролась с каждодневными трудностями. Лерцида спешила вернуться к своим обязанностям, мечтала о прежней жизни, разрывалась между дочерью и походной жизнью.

Девочке подобрали няню и кормилицу. Хлоя пристроили помощником на лесопилку, но дела его не заладились, дерево – материал живой, к нему деликатный подход требовался. В красильной мастерской убытки начались с первого дня. У кожевников места ригоронцу не нашлось, пальцы неумелые и грубые; в кузне ему жарко; на Черном холме он камень "не чувствует".

Однажды Уши вернулась с рубежей и обнаружила, что лучшей няньки и кормилицы ей не найти. Хлой остался один при младенце, и за две недели не только не опустил рук, но и прекрасно справился с нелегкими обязанностями. Хлой научится справляться не только со своим ребенком, но и станет лучшей нянькой Сиуцы, у него обустроиться настоящий детинец, а ригоронец найдет свое истинное призвание.

Калиста Сиуца не отказалась от своего образа жизни и успешно совмещала службу и утеху. В ее жизни крепко обосновались два избранника, ни один не желал покидать ее дом и постель. Однажды они просто смиряются с ее выбором и научатся дружно сосуществовать. Однажды один выкупит другого у города, и Керлод станет вольным поселенцем.

Калиста не могла с уверенностью сказать, кто из них отец ее будущего ребенка, Лайан или гралиец. С обоими она близка достаточно долго, а если принимать в расчет прочие увлечения, вовсе запутаешься.

Пропустить очередной Весенний костер алесцийка наотрез отказалась и танцевала с круглым выпирающим животом, оба ее мужа отгоняли желающих поглазеть, а затем сообща упрашивали Лерциду вернуться домой в теплую постель, ради себя и будущего ребенка.

Аксилу места в мастерских не нашлось. Но он не унывал и вскоре открыл первую в городе цирюльню. Дело заладилось не сразу, провинциальный городок оказался не готов к красоте за деньги. Однако владелец самой роскошной шевелюры сумел переломить ход событий, взяв в дело местную травницу. И вот уже в его распоряжении бальзамы, душистые травы, мыло и настойки для роста волос. И вот уже к нему зачастили местные модники и модницы.

Этот год не обошелся без горестных событий. В холодных водах Каполи утонули Шекти и каменщик Граз. Их тела долго искали, и нашли много ниже по течению.

Побегом закончилась история Овгада и Иорена. Беглецы затерялись в асцийском лесу, их долго искали, но все старания оказались тщетны. Их так и не найдут, поскольку только богам ведомо, что два друга несколько месяцев блуждали по гиблым кущам, и были бы рады вернуться, но дороги назад не нашли. Однажды они выйдут из леса на юге Асции, будут схвачены, и попадут на ласцийские рудники, где сгинут навсегда.

И уж совсем странная история случилась с Морпием. За развитием событий следила вся Сиуца. Тот всерьез не заладил с Урцуной, что сделал совершенно напрасно, получил десятки плетей, не сдержался в выражениях и приложил руку. Лерцида лично выкупила его у города чтобы отправить на ласцийские рудники.

Этим бы и закончилась печальная история, если бы не Кентурси. Та велела Лерциде самой разбираться с этой проблемой, и в Стагну с собой невольника не взяла. Так у Урцуны в доме завелся новый Котик, ворчливый и злопамятный. Она все еще говорит о том, что отправит его в каменоломни, но с каждым днем ее слова звучат все менее убедительно. Котик прижился, отъелся, раздобрел, занялся хозяйством и обустройством дома, велел Урцуне потратиться на мастерскую и оборудование, где он планировал заняться стеклом. Та сопротивлялась, но земли под мастерскую уже выкупила у города, и всякий раз спешила домой, к Котику.

Королевские игры в Сиуце прошли без лишних интриг. Из шести Лерцид свои претензии на власть обозначили все, таковы правила, все шесть ударили в щит королевы. Но Калиста отлучилась на роды, Радона не сладила со стрельбой, Урцуна быстро сдала бой. Оставшиеся провели несколько показательных схваток, но все осторожничали, позади трона стояла дочь королевы, Теседа Асции, Альфа Сиуца, признанный лучший воин города. Витерна, избранная шестой Лерцидой, вышла на финальный бой, но сделала это с улыбкой, она верный пес своей королевы.

Новая Теседа изменила расклад сил всей Асции. Впервые столицей целой области стала Сиуца, родина Теседы. Сюда стекались новости, ехали вестовые, стремились торговцы и советники. И если раньше город жил размеренной провинциальной жизнью, нынче это был один из центров Алесции и столица Асции.

– Покажи мне, где это место, – в который раз требовала Кен.

– Здесь, – Витерна обвела пальцем круг на карте.

– Вот еще одна метка.

– Неделя пути до Сиуцы, – нахмурилась королева. – Что скажешь, Уши?

– Скажу, что мне это не нравится, – женщина внимательно рассматривала карту.

– Вся Асция с севера и востока окружена такими метками. Еще одна ригоронская военная кампания?

– У них не вышло с Горным перешейком. На этот раз решили зайти с другой стороны? Со стороны Асции?

– Плохо.

– Если в Горном перешейке это были проблемы висцийцев, теперь это лично наши проблемы, – проворчала Радона. – Ригорон не оставил мысли о войне?

– У них достаточно сил для новой военной кампании, – размышляла Витерна. – Есть ли они у нас? Висцийцы не придут нас спасать. Они еще лет двести не отойдут от Горного перешейка ни на шаг и будут правы.

Отметок на карте было несколько, две на побережье восточного моря Течений и три по линии Пограничных гор вдоль Асции. И это только те, о которых асцийцы знали.

Королева и Лерциды тщательно изучали карту. Посланник Падмиры, Ирия Корси, поначалу спрашивал Теседу Асции, но ввиду ее отсутствия вынужден был вступить в переговоры с Ресцедой и лерцидами Сиуцы.

– Сведения собирались по крупницам, но все они сводятся к одному: Ригорон берет Асцию в кольцо, – подытожил Ирия.

Брови Кен взлетели на лоб, Калиста нахмурилась, Радона устало потирала переносицу, Суона и Витерна изучали карту.

– Альфе Сиуце ранее сообщали? Что она думает? – поинтересовался посланник.

– Теседке Асции все сообщали, но сведения были неполные, разрозненные, – уточнила Уши. – Все началось с восточного моря, затем мы узнали о движении в Пограничных горах.

В восточном море Течений начали замечать активное передвижение ригоронских кораблей. То один проскочит вдоль побережья, то второй бросит якорь в скалистой лагуне. То это рыбацкая лодчонка, то военный корабль, то торговая шхуна. Ригоронцы и ранее интересовались северо-восточными воротами Алесции, но со временем это стало слишком заметно.

Асция – настоящая природная крепость, начать кампанию против этой области королевства – настоящее безумие. С севера она опоясана Пограничными горами, которые огибают Асцию с востока и доходят почти до Ласции. Пусть на востоке горная гряда не столь грозная и неприступная, но штурмовать ее придется только с моря. Да и сама Асция – сплошной лес, дикий, непроходимый, кишачий хищниками и ядовитыми тварями, а асцийские города окружены крепостными стенами и рвами. Куда как проще начать кампанию против любой другой области королевства, но не против Асции.

– Если это не очередная военная кампания, – предположила Суона, – что им нужно в Асции?

О подготовке военного вторжения сведений действительно не было, но тот факт, что Ригорон активно вел разведку горных проходов по меньшей мере еще в трех местах вдоль границы с Асцией, не могло не настораживать.

– Ригоронцев интересует сама Асция, – Ирия задумчиво мял подбородок. На нем многодневная щетина с проблесками седины.

– Зачем?

– Возможно, после поражения в Горном перешейке Ригорон решил узнать больше о северо-востоке Алесции? Найти другие проходы в королевство?

– И для этого затеял разведывательную кампанию? – сомневалась Радона.

– Они впервые столкнулись с асцийцами и озадачены, – заметил Ирия.

Кентурси потрянула головой, словно хотела отбросить ненужные слова, бросающие тень на суть.

– Что еще?

– Это не похоже на вторжение, – рассуждала Суона. – Возможно, ригоронцы что-то ищут.

– Или кого-то, – добавил Ирия.

– То есть?

– Возможно, их цель не Асция, а всего один человек.

Лерциды переглянулись, Ресцеда сжала губы.

– Ты говоришь недомолвками.

– Не секрет, за голову Альфы Сиуцы назначена награда, – пожал тот плечами. – После Горного перешейка о ней хорошо узнали в Ригороне. Император назначил награду золотом.

Кен понимающе кивнула.

– Старый императорский пень! – ругнулась Алесцийка. – Он открыл охоту на Альфу!

Ирия Корси погладил карту мозолистой рукой.

– Нынешний Ялагр уже не тот. Император стар, его одолевают болезни. Ему не до военных походов. Говорят, смена Императора не за горами. Нынче Родион Ялагр все больше отходит от дел. И отошел бы раньше, но по слухам, в логове Ялагра беспокойно.

Кентурси в нетерпении подскочила и прошла по комнате. Альфа в такой момент должна быть рядом с ней, рядом со своим городом. Но ее нет, глупая ригоронская девчонка!

– Смена императора – большое дело, – заметила Уши. – Придет новый Ялагр, молодой и горячий.

– Придет, – хмыкнул Ирия. – Уже пришел. Наследником трона объявлен младший сын Императора, Россен Ялагр. Он и станет следующим.

Кен остановилась и внимательно прислушалась.

– Россен Ялагр? – в задумчивости протянула она. – Почему младший?

– По слухам, старшего сына хватил удар, он умер незаметно, – продолжал рассказывать посол. – Он был наследником, но не дожил до счастливого дня. Он не пережил собственного отца.

– Гм... Я слышала у Ялагра шесть сыновей, – заметила Радона. – Или у них опять свора за власть?

– Второй сын погиб, свалился с лошади. Несчастный случай.

– Несчастный случай, как же, – фыркнула Урцуна.

Ирия пожал плечами.

– Третий поспешил стать Императором и уличен в заговоре против собственного отца. Он осужден, ждет казни в северной крепости.

– И они утверждают, что королевские игры в Падмире – пляски дикарей? У самих каждая смена Императора не обходится без крови. Родион Ялагр в свое время не был первым наследником. Где теперь все его братья?

– О четвертом сыне ходили скверные слухи, он серьезно болен. Как, впрочем, и пятый. У того слабая голова, он неумный.

– Безумный, ты хотел сказать, – насмехалась Калиста.

– Да, говорят, что так, – согласился алесциец.

– И потому Императором станет младший?

– Он стал Наследником трона еще летом, – уточнил Ирия. – Он ведет дела Ригорона. Мы точно знаем, он принимал непосредственное участие в последней южной кампании и был в ней крайне заинтересован.

– Ригоронцы выкупили всех пленных и погибших, – подтвердила Уши. – Они искали...

– ...сына Императора, – закончила за нее Кентурси. – Вот стервец, вырвался. Альфа слишком несерьезно к этому отнеслась. Он был у нас в руках и ускользнул.

– Россен Ялагр имеет поддержку армии и генералов. Он служил в южном гарнизоне, – заметил мужчина. – Ранее он был Наместником восточных провинций, а затем и южных провинций Ригорона. Есть мнение, что кампания в Горном перешейке – его затея, а Торк Орс его генерал. У него есть все шансы сесть на трон. И у него есть все причины не любить Асцию и Альфу Сиуцу лично.

Кен снова замерла, терзаемая смутными сомнениями.

– Ты думаешь, он имеет к Альфе личные счета?

– Альфу Сиуцу очень хотят видеть в Свидарге. Я привез вам вести, что Россен Ялагр через Горный перешеек передал послание Королеве Падмиры, в котором убедительно просит отдать Альфу Сиуцу Ригорону, как плату за мирный договор.

– И что сделает Падмира?

Ирия Корси развел руками.

– Королева Падмиры не может отдать Теседу. Все девять Тесед являются наследницами трона Алесции. Они неприкосновенны.

– Он требует у королевы Альфу Сиуцу и при этом размещает вокруг Ассии разведывательные отряды.

– Королева Падмиры не отдаст Альфу Сиуцу?

– Нет, – ответил мужчина. – Но она обеспокоена происходящим. Молодой Ялагр горяч, он может привести к границам Алесции десять таких армий, как у Торка ОРСА. У него есть восточный и западный флот, и северные армии. Он упомянул об этом в письме. Лапарата Корси просит Альфу Сиуцу саму принять решение. Если это остановит Ялагра, если это вернет мир Алесции...

– Если остановит! – парировала Кен и зло сверкнула глазами.

– Нам не у кого просить поддержки, – вздохнул мужчина. – Агарон не торопится выступать против Империи. Мы не потянем эту войну в одиночку. Мы потеряем большее.

– И Альфа Сиуца должна стать жертвой?

– Королева дает ей право самой решать. Переговоры у Горного перешейка вела лично Альфа Сиуца, она заключила договор. Согласно договору, она должна была вернуть всех солдат Ригорона и занять Горный перешеек.

– Она сделала это, отдала всех пленных и все тела погибших.

– Договор шел о всех участниках южной кампании. У Ялагра на руках доказательства, что отдали не всех.

– Отдали всех до одного! – взревела Кен.

– Он называет конкретные имена, – Ирия достал бумажку из кармана. – Он хорошо изучил договор и нашел доказательства его нарушения. В самой Сиуце по меньшей мере содержалось трое солдат ригоронской армии, один из них лично участвовал в битве при Горном перешейке. И это младший брат генерала Торка ОРСА, некий Титтава ОРС.

Лицо Королевы вытянулось, Лерциды переглянулись.

– Она вернула и их.

– Один остался, его имя Хлой Бриод, – зачитал Ирия. – Ялагр очень въедлив, он негодует, договор вероломно нарушен. За пленников выплачено золотом, а те не были возвращены. Он обвиняет Алесцию в нечистоплотной игре.

– Мы вернем ригоронца!

Уши взволнованно встала.

– Речь идет не о возвращении, а о нарушении договора. Наследник знает все подробности дела, как если бы сам участвовал в переговорах. Он требует отдать Альфу Сиуцу Ригорону в качестве платы за нарушение. Это его главное условие, он настаивает и угрожает.

– Вот, ублюдок! Что же он молчал два года? Он вырвался из Горного перешейка два года назад.

– И стал Наследником императорского трона год назад, – отметил Ирия.

– Где он был целый год?

Ирия развел руками. Кентурси в бешенстве металась по комнате.

– Сколько ему лет?

– Он самый молодой из Ялагов. Ему нет и тридцати, – ответил посланец.

– Кто мог ему рассказать? Росс Дилагр! – взревела Кен. – Вернулся в Ригорон год назад. От него все беды, он лично знает о Хлое Бриоде, никто другой не мог, он и рассказал Ялагру...

Королева замерла, ее лицо стало страшным. Лерциды замерли от волнения.

– Нет, Кен, это похоже на совпадение, – громко выдохнула Витерна.

– Росс Дилагр! – в отчаянии кричала королева. – И это точно не совпадение!

Женщины в недоумении переглянулись.

– Не думаю, что такое возможно, – заметила Уши. – Хлой рассказывал, что в битве они не участвовали, лишь осматривали западное побережье при подготовке к южной кампании.

– Разумеется! – срывала голос Королева. – Кто пустит императорского сыночка в месиво драки. Он всего лишь прокатился на лодке и случайно попал в передел. Этот младший выродок последнего помета Ялагров просто обвел всех вокруг пальца.

Кен в ярости ударила кулаком по столу, смяв карту.

– Я знаю, где он провел этот год, – хрипела та. – Он с пользой его провел. Он не действует вслепую. Он все знает, он даже о пещере знает. Он сам по ней прошел!

– Альфа утверждала, что он обещал никому не рассказывать о пещере.

– А ему не надо никому рассказывать. Кому еще он может рассказать? Папочке? Росс Дилагр, будь проклят день, когда я отдала за твою шкуру жалкие монеты. Лучше б ты сгнил на ласцийских рудниках.

Ирия Корси растерянно поглядывал по сторонам.

– Он знает о пещере, – металась по комнате Кентурси. – Он знает о пещере. Альфа! Он знает о пещере. Это ловушка!

– Быть может, обойдется?

– Не обойдется! – негодовала женщина. – С ним не обойдется. Он словно клещ, он липкий гадкий слизняк, он впился так, что не оторвешь, он не отстанет. Живучий, наглый, подлый, как все Яагры. В каждом поколении Ригоронцев найдется самый прыткий, вытопчет всех своих братьев и займет трон. И этот именно такой! И ведь сразу прилип к моей дочери, потому что она – Теседа!

– С трудом верится, что Росс Дилагр и Россен Ялагр...? – сомневалась Уши.

– Это – не совпадение! С его-то чванливым лицом, кто еще мог быть? Я чувствовала, что этот Ригоронец не прост. Как он держал себя, какая у него речь! Ты видела его руки? От мозолей страдал он один, белоручка. На солнце обгорал, видно, всю жизнь проходил в шелковых одеждах. Ничего не умел делать, криворукий бездельник, интриган и мерзавец. И ему нужна моя дочь!

Лерциды настороженно переглядывались. Кен в неистовом рвении рылась в своих сундуках.

– Он грозит войной, а мы даже не можем предупредить Альфу! – осторожно роптали лерциды.

– Без нее мы не справимся. Удача была только с ней! Сама говорила, что привела из Ригорона Удачу.

– Нужно смотреть правде в лицо. Королева Падмиры права, проблеме с Ялагром должна решить Альфа Сиуца! Мы не потянем еще одну войну.

– Она одна знает, как с ним управиться. Он же совершенно неуправляемый, – сетовала Калиста. – Ни разу не поступил так, как его просили. Мерзавец, какого поискать.

– Он, все равно, добьется своего, и сделает по-своему. С ним невозможно договориться! – подтвердила Радона. – Если заикнулся о войне, будет война. У него большой флот на Море Течений, он может атаковать Ласцию и дойти до Падмиры.

– А это мы еще посмотрим, – воскликнула Кентурси и надела на палец роскошный золотой перстень с сапфиром. – Ему придется договариваться. Хочет войны, будет ему война! Я предупреждала его!

Глава 2

Империя Ригорон. Северное предгорье Пограничных гор.

Этим вечером он по обыкновению вслушивался в тишину. Поначалу она казалась ему безжизненной и холодной, лишенной красок и движения. Что могла поведать ему тишина предгорья, если все детство и отрочество его слух ласкал шум белокаменной столицы? Как любил он ее человеческий рокот, как вслушивался в глубину ее жизни, как довольно ежился под крики торговцев, щебет воробьев и цокот подков.

И вот, суровое молчание каменных стен. Изо дня в день они не менялись, не оживали, словно памятники самой смерти. Ему понадобилось много времени, чтобы уловить, что и они полны жизни.

За долгие месяцы в северном предгорье он познал, каковы Пограничные горы в ясный погожий денек, как они гудят в летнее пекло, как стонут в зимние ветра, как звенят от осенних робких дождей, как покрываются снежной шапкой, как пробуждаются во время всеобщей весенней кутерьмы.

Он сидел на своем обычном месте и снова ждал, ждал милости от гор, ждал, когда боги сжалются над ним, и он услышит заветные шорохи со стороны гряды. И когда эти шорохи долетели до его слуха, он не сразу вышел из оцепенения.

Мелкие камушки выдавали легкую поступь человека, разбегались в стороны с едва слышным ворчанием. Отчаяние, волнение, предвкушение и страх горячей волной пробежались по затекшему телу. Он боялся даже пошевелиться, чтобы не спугнуть чудесное явление.

Нетерпение, словно болезненный зуд, терзало кожу. Он выглянул из укрытия, у самого подножия горы пробирались две осторожные тени. Они шли прямо от тайного хода, и направлялись в его сторону.

Тишину нарушил несвойственный горам звук, похожий на писк младенца. Сердце его сжалось от волнения. Он не ошибся, он не сошел с ума и не спит. Это люди, и они идут с южной стороны гор, прямо от тайного прохода. Прямо от пещеры!

С ним было два десятка головорезов, еще три десятка отдыхают в ближайшем селении, ждут своей стражи. Он доверяет своим людям, но не настолько, чтобы возложить на них дело, провал которого грозил самыми ужасными последствиями. Эти месяцы он буквально жил в горах, и вот, наконец, заветная легкая поступь.

Люди притихли в укрытиях. Путники, а их оказалось двое, шикнули на дитя и продолжили движение.

В вечерних сумерках их сложно разглядеть. Первой шла женщина, на ней платье ригоронки. Она идет широким шагом, подол платья с легкостью распахивается у ног. Совсем не ригоронка, на голове нет накидки, походка открытая, уверенная, упругая.

За ней озираясь, следовал мужчина. Он невысокий, ниже своей спутницы, худой, в ригоронских одеждах, походка странная, неуверенная, словно он прихрамывает.

В серой мгле не разглядеть, где дитя, и вооружена ли женщина. Ясно одно, она – проводник, и здесь ее заждались. Следовало подпустить ее ближе, чтобы она оказалась в плотном кольце окружения. Спугни ее, и та, полная сил, упорхнет обратно, в горы, и псу под хвост его многомесячное ожидание. От волнения пробирал озноб, руки потели, в ногах дрожь и напряжение. Еще несколько шагов. Он сжал в ладони меч, время будто остановилось. Еще несколько шагов и капкан захлопнется.

В одно мгновение женщина оказалась в плотном окружении острых мечей. Она успела выхватить оружие и оцетиниться двумя сверкающими клинками. Словно загнанная дикая кошка, она кружилась на одном месте, не подпуская неприятеля близко.

Опустившиеся сумерки не позволяли хорошенько рассмотреть гостью, но нельзя не заметить, что на ее груди при помощи хитрого приспособления из кожаных ремней висит младенец.

– Добрый вечер, – от волнения его голос сорвался.

Алесцийка стояла в боевой позе, ноги широко расставлены, длинные мечи напряженно подрагивали. Ее спутник громко охнул, когда его повалили наземь.

Луэйм не мог скрыть удовольствия. Жертва окружена, вырваться нет никакой возможности.

– Стоит ли портить друг другу такой прекрасный вечер? Ты окружена, твой спутник в наших руках. Будет лучше, если ты сложишь оружие.

– Спасибо за дельный совет, – раздался в ответ звонкий голос. – Но, если ты не заметил, вечер для меня и без того безнадежно испорчен.

– Мне искренне жаль, что пришлось нарушить твои планы, – без тени сожаления ответил Луэйм. – Однако оружие тебе придется сложить. По-хорошему.

– Хм... Не в моих правилах складывать оружие, – зло ответила Алесцийка. – Давай сразу по-плохому. Кто вы такие? И что вам от нас нужно?

– Брось оружие, женщина, – вкрадчиво произнес Луэйм. – Зачем рисковать жизнью своего ребенка? Или ты собираешься использовать его в качестве доспехов?

При благоприятном исходе она может одолеть и такую орду мечей. Однако ей не пришло в голову, что маленькое тельце оказалось живым щитом к ее сердцу, и только слова этого головореза остудили ее пыл. Нынче она – не южный воин, а самая обычная мать с грудным ребенком на руках.

– Брось оружие, – повторил Главный, – и я обещаю тебе и твоему ребенку жизнь. И даже некоторую долю свободы.

– Твои обещания не слишком трогают мою доверчивость, – огрызнулась женщина.

– Разве у тебя есть выбор?

– Что в твоём понимании «некоторая доля»? У нас с собой бумаги, позволяющие полную свободу.

– Сложи оружие, а мы проверим бумаги, – попросил мужчина.

– Или, может быть, тебя устроит золото? Я дам тебе золото, и мы разойдемся каждый своей дорогой.

– Золото? Меня не интересует золото, – холодно ответил Луэйм.

– Вот как? – разочарованно протянула та. – Я еще не встречала человека, которого не интересовало бы золото. Ты – первый!

– Ты не хуже меня знаешь, что есть вещи поважнее, – кивнул он на младенца.

Алесцийка в отчаянии нахмурила лоб. Она понимала, что не вступит в схватку, но отдавать себя в руки ригоронцу казалось верхом неблагоразумия. Откуда он свалился на ее голову? Это не патруль, это засада, капкан возле горного прохода.

– Ты ждал меня. Какого лихого бога тебе нужно?

– У меня к тебе дело.

– Что за дело?

– Я объясню, когда сложишь оружие.

– Что, если мне не подойдет твоё дело?

– Разве у тебя есть выбор?

– Нет! – Альфа швырнула мечи на землю.

Луэйм с облегчением выдохнул. Как кстати на руках алесцийки оказался этот чудесный младенец. Он сдал мамашу с потрохами. Ригоронцы подхватили мечи южного война.

– Кинжалы и прочее тоже брось.

Та нехотя избавилась от коротких мечей, задрала юбки, мужчины на миг оторопели. Но под ригоронским платьем показались длинные кожаные штаны и удобные сапоги. Медленно она вытянула кинжалы из кожухов на икрах и бедрах.

– Это все? – подошел он ближе.

– Все, – ответила она, оказавшись в полной его власти. – Что тебе нужно?

– Ничего более того, чтобы ты просто была рядом.

– Зачем?

– Сейчас ты поедешь с нами, здесь недалеко. Там отдохнете, ты и твой ребенок. Завтра я расскажу тебе о наших планах.

– Ребенок? – возмутилась женщина. – Ты ничего не говорил о ребенке? Тебе нужна только я. Ребенок может остаться с отцом. Ты отпустишь его?

– Ребенок останется с тобой.

– Нет!

– Да!

– Ты... – лицо ее исказилось от гнева. – Если не отдашь ему ребенка, я отказываюсь идти с тобой.

– Ты забываешь, у тебя все еще нет выбора, – повторил ригоронец.

Злой рык вырвался из ее горла.

– Он останется с тобой. Так нам будет легче договариваться.

Алесцийка буравила его большими темными глазами. Она разорвала бы его на части, не считаясь с неравенством сил, не будь младенца рядом.

– Ты пожалеешь об этом, ригоронец, – угрожающе тихо рокотала она. – Будет лучше, если ты отдашь его. Он сын очень влиятельного человека.

– В Ригороне много влиятельных людей. Ты даже не представляешь, с кем имею дело я.

Луэйм сделал знак, спутника алесцийки освободили. Мужчина неловко поднялся и подошел ближе. Он прихрамывал и оказался значительно моложе, чем следовало ожидать. Он растеряно оглядывался по сторонам, не ведая, что делать дальше.

Она безоружна, у нее остался только Лаг. Стоит ли доверять этому проходимцу? Разумеется, нет. Он пришел сюда не для того, чтобы печься о ее благополучии. Этот головорез охотился за алесцийкой, она подобное уже встречала.

Альфу терзало смутное подозрение. Они сидели в засаде и ждали ее прихода? С чего бы им сторожить место в стороне от основного перевала? Что, если сторожили тот самый проход, которым пришла Альфа? Откуда они могли узнать о нем? Им пользовались крайне редко, в Империи не было никого, кто бы мог с точностью указать боковой вход в пещеру. Или в Ригороне есть такой человек?

В предгорье наступила ночь. Луэйм усадил пленницу в седло, но поводья не выпустил. Лаг тихо посапывал, уgomонившись только после того, как мать сдала оружие. Альфа с нежностью поцеловала его пушистое темечко. Ее сын рядом, и это единственное светлое пятнышко в ее пленении. Но если с юга Пограничных гор мать была ему защитой и опорой, с севера она становилась угрозой его жизни.

Прошедший год выдался трудным. Альфа вернулась в Пограничный форт изможденной, осунувшейся, с темными кругами под глазами. Она проспала кряду два дня, и уже на следующее утро аппетит вернулся. День за днем к ней возвращались жизненные силы, а новое назначение Теседой Ассии не давало времени предаваться унынию. Без Росса город словно опустел, но наполнился новыми переживаниями и заботами.

– Ты – Теседа Ассии, – напомнила ей мать. – Падмира не бросится тебе под ноги, если ты не начнешь готовиться прямо сейчас.

– Я и не рассчитываю.

– У тебя есть полтора года. На королевских играх в Падмире тебе будут противостоять две висцийки, одна из которых сидит на троне не просто так, а вторая в статусе Теседы Висции спешит сменить Лапарату на троне. Тебе нужно превзойти обеих. Готовься, это лучшее, что ты можешь сделать, чтобы забыть своего Ригоронца. Поверь моему опыту.

Альфа согласно кивнула. Ей требовалось начать жить без Росса, оставить прошлое позади, идти своей дорогой. Он уходил от нее, не оборачиваясь, не сожалея об уходе. Пришло время уйти и ей. Она сложила полномочия Лерциды в пользу Витерны и начала подготовку к королевским играм. Альфа изматывала себя ежедневными тренировками, тяжелейшими нагрузками, проводила в седле большую часть дня. Вечером она падала от усталости, а на утро поднималась с новыми силами. Воспоминания о Россе затерялись в повседневной жизни воина и Теседы Асции.

У нее много забот. Теседа должна быть посвящена в дела всех городов и поселений Асции. Она не правитель, она боевой генерал, который должен следить за постройкой крепостей, за численностью армии и должной охраной пределов. У нее нет времени, чтобы бесечно жить в одном городе, неделя за неделей она в разъездах, оценивает ущерб, понесенный в последней военной кампании и строит планы на будущее.

Тело Альфы изменилось, заострилось. Она походила на исхудавшую кошку, сильную, ловкую, под кожей веревки мышц и сухожилий, стремительные, напряженные. На животе корсет из натренированных мышц, ей нужно больше работать, чтобы превзойти двух висциек, о которых она уже знала все, но и они о ней.

С подозрением Альфа разглядывала себя в маленькое зеркальце.

– Надо поменьше есть.

– Не поможет, – холодно заметила Кен.

– Эдак я стану походить на Юбту.

– Очень может быть. Но переживать не стоит, после родов все встанет на свои места. В начале зимы родишь. У тебя будет время вернуть форму и выйти через год на арены Падмиры.

Вот так ее жизнь снова изменилась и наполнилась счастьем. Ей удалось оставить себе крохотную частицу Росса. Это был его ребенок. С чувством злорадного удовольствия она размышляла о том, что все же провела Ригоронца, и он уже навсегда останется рядом с ней. Пусть бродит по своей Империи, пусть в его жизни появятся новые женщины. Здесь, рядом с ней будет жить его кровинка, которую уже никто не сможет отнять у матери.

Это непременно будет дочь, никак иначе. Дочь, которой она передаст все знания и умения асцийского воина.

Альфа Сиуца родила сына в первые дни зимы. Теседа Асции уже жила по иным законам, она была одной из наследниц королевы Падмиры, и законы Сиуцы на нее не распространялись.

– У королевы Падмиры не может быть сыновей, это закон, – осторожно заметила Кен, и больше никогда не возвращалась к этому разговору.

Но Альфа все слышала и понимала.

У Лагрида отличный аппетит и пронзительный требовательный голос. Он замечательный, в нем все прекрасно, и мать не может насмотреться на свое чудо. В первые же недели своей жизни Лаг проявил характер настойчивый и неугомонный. Он не давал покоя ни матери, ни бабке, заставляя весь мир крутиться только вокруг себя. Разглядывая сына, Альфа спешила найти в нем что-то от Росса, и не столько находила, сколько приписывала ему это сходство. Очаровательный младенец, с пухлыми губками и щечками был похож исключительно на самого себя.

Сапфит привез с западного побережья Моря бурь еще одного Ригоронца. Он был выкуплен из неволи в небольшом рыбацком поселении и проделал путь через всю Алесцию. Грай Ниаку нерешительно топтался в доме королевы и с удивлением поглядывал по сторонам. Это

было неожиданно, узнать, что Росс Дилагр все же вытащил его из той дыры, пусть даже таким необычным способом. Теперь он должен помочь его сыну добраться до Ригорона.

Грай предложил путь через западное море. От Ценции, северо-западной области Алесции, до Сермора два дня пути или того меньше. Альфа сомневалась, что Росс остался в Серморе, и предлагала путь через горы. А далее главной дорогой в Седьмой Холм. Золота и тех бумаг, что имелись, будет достаточно, чтобы быстро и безопасно добраться до места.

Мальчик будет жить в Ригороне со своим отцом и дядьками, и чем раньше это произойдет, тем легче будет ребенку расставаться с матерью. Все они могут дать ему много больше, чем алесцийка, пусть даже Теседа Ассии. Лагрид – ригоронец, и его будущее не должно быть связано с Алесцией и ее законами относительно мужчин. Родись девочка, и все сложилось бы иначе. Альфа это понимала, противилась, отрицала, но делала так, как считала правильным. Она не могла лишиться сына родины, не смела лишиться отца и истинного дома. Пройдут годы, он станет взрослым и признает правоту матери-алесцийки.

Она рассчитала все, у нее были верные бумаги, золото, оружие и спутник-ригоронец. С таким сопровождением в одеждах ригоронки она могла беспрепятственно доехать до Седьмого Холма, а затем вернуться уже в сопровождении одного из братьев. Но Ригорон изменился, и что тому виной, она пока не понимала.

Луэйм Ризл был бесконечно доволен жизнью. Наконец удача улыбнулась и ему, он в шаге от спасения.

Его отец, Лойтуан Ризл много лет служил при Императоре военным советником по южным провинциям Ригорона. Он был близок с Рестианом Ялагром, принцем первой крови, сопровождал его в поездках к приграничным землям и пользовался его полным расположением. Расположение этого Ялагра многое значило, отец стал весомой фигурой при дворе, его дети учились в лучших школах Свидарга, в домах роскошь и изобилие.

Все изменилось в день, когда южная военная кампания Ригорона провалилась. Впрочем, все изменилось раньше и больше походило на злой рок.

Второй сын Императора, Рукарт Ялагр на очередных увеселительных заездах, под крики взбудораженной толпы и на глазах родного отца разбился. Его колесница на бешеной скорости слетела с оси и несколько раз перевернулась. Смерть была мгновенной, несчастный свернул себе шею. Империя погрузилась в траур. В императорском дворце четыре недели продолжались церемонии прощания, застолья и поминальные пиры. В память о доблестном Ялагре было принято решение о начале южной кампании.

До конца траурного месяца не дожил старший сын государя Родсард Ялагр. И неудивительно, его вид не внушал доверия самому неопытному лекарю. Лицо принца одутловатое, большое, глаза, словно устрицы, плавали в тусклых глазницах. Он умер быстро, от удара, близ сидящие не сразу заметили, что с Наследником случилось несчастье. Родсард застывшей горой «проспал» до поздней ночи за столом, как это часто бывало, пока слуги не задели уже охладевшее тело.

Траур в Империи был продлен еще на три месяца. В этот непростой для Государя момент его третий сын, Родлон Ялагр поспешил изменить события в свою пользу, он решился на отцеубийство и узурпацию власти. Во дворце настоящий переполох, раскрыт заговор, предотвращено покушение на жизнь Императора. Виновные найдены, зачинщик изобличен, ему завещана смерть от повешения. А до того дня Родлон Ялагр отправлен в самую грозную крепость Ригорона, крепость Северных Салой.

Ригорон остался без наследника, и Император оказался перед непростым выбором.

По зрелом размышлении он отдал приказ о возвращении Россена Ялагра из Сермора. Там, под охраной целого гарнизона он держал своего младшего отпрыска, по слухам, в наказание заслушание. В высших кругах этим слухам не слишком доверяли. Младшего Ялагра скорее устранили из императорского дворца, чтобы его жизни не угрожали интриги и заговоры, вечно сопутствующие смене стареющих императоров. Но вместо младшего принца первой крови в самом начале южной кампании из Сермора прибыл гонец с черной вестью.

Как близки они были от триумфа, императорская армия без потерь овладела узким проходом через Пограничные горы, и победа, которую потомки воспоют в торжественных песнях, уже была в руках ригоронских полководцев. Однако потеря всего одного Ялагра имела необратимые последствия. Его тело не найдено, его не видели мертвым, он просто затерялся где-то в землях Алесции. Слабая надежда на его возвращение, но Император отдал приказ о прекращении южной кампании.

Наступление армии остановлено, даже если обстоятельства на поле битвы складывались самым удачным образом. Более того, дан приказ вступить в переговоры с неприятелем, забрать всех пленных любой ценой.

Ялагра не нашли среди вернувшихся солдат, не нашли его и среди тел погибших, не нашли на западном побережье Алесции, куда не подступиться из-за висцийской армии. Императорский дворец погрузился в траур.

Это явилось настоящей катастрофой, головы летели с плеч, Император неистовствовал. Он не желал разбираться в деталях, не принимал оправданий, не искал виновных. Виноватыми признаны все, от самого последнего рыбака, до генералов армии и военных советников. Лойтуан Ризл изобличен в провале южной кампании, осужден за потерю младшего Ялагра и наказан. Преступник на рудниках, семья в жесточайшем разорении и опале. Золото, потраченное казной на выкуп пленных солдат, восполнялось за счет осужденных.

Все командоры южной армии от тысячника и выше отправлены на рудники. Смерть — слишком легкое наказание за халатность и попустительство, злоумышленники должны умирать медленно, словно это могло вернуть к жизни одного непутевого Ялагра. В северных горных штольнях оказался настоящий цвет нации.

В Свидарге смутные времена, времена плохих новостей и угнетающей неопределенности. В императорском дворце о милости нельзя даже просить, никто слушать не станет. Государь опальных не принимает, осмелившиеся впадают в еще большую немилость, а с рудников доходят тревожные слухи. Там умирают от болезней и плохих условий жертвы южной кампании.

Луэйм почти потерял надежду, отчаялся увидеть отца живым и вернуть семье былое положение. Он не оставлял попыток обратиться к следующему по старшинству Ялагру, к тому, что много лет являлся Наместником южных провинций и лично знал Лойтуана Ризла. Но Рестиан Ялагр вот уже несколько лет лечился от тяжелой болезни в окружении десятков лекарей и жрецов. Поганая хворь непобедима, она медленно убивала четвертого сына Императора. Все реже он появлялся на людях, все больше повязок скрывали его тело, пока он и вовсе не исчез в бескрайних просторах белокаменного дворца.

Оставался пятый Ялагр, Ридьяр, но от того проку не было и в лучшие времена. Луэйм не понаслышке знал, что сын Императора оказался слаб перед опиумными настойками и курительными травами, которые лишали его рассудка. Он впадал в беспамятство, его терзали припадки, он жил в дурмане своих трав.

Государь терял силы, его здоровье подточено избытком вина, пищи и женщин, а в последнее время и потерей сыновей. Родион Ялагр угасал, а его смена не могла не беспокоить придворных, князей и военных. Слухи ходили самые разные. Заточенный в крепости Родлон Ялагр не терял надежды на отцовское снисхождение. Он остался единственным, кто мог в трезвом уме и доброй памяти принять бразды правления огромной Империи. Следом шли принцы второй крови, Великие князья, но о таком развитии событий и думать страшно. За

власть князя передерутся, смута начнется такая, что Ригорон вернется во времена Объединенных княжеств.

Младший Ялагр нашелся спустя год после южной кампании. Знающие языки шептали, что это и есть коварная задумка Императора. Родион Ялагр – мастер большой игры, он все просчитал, все спланировал, и даже армией пожертвовал не просто так, а с умыслом, для искоренения зарвавшихся генералов, которые вместе с Родлоном Ялагом готовили заговор против венценосной семьи.

Что бы там не говорили, Император отпраздновал возвращение сына чередой пиров, приемов и состязаний, затянувшихся на несколько месяцев. По приказу Государя из суровой немилости вышли командоры Сермора, командоры Торка Орса, и сам опальный генерал пусть и лишился всех воинских почестей и привилегий, отпущен восвояси. Все, кроме Ризла и советников Императора, все, кто планировал южную кампанию.

Луэим Ризл сомневался, следует ли ему обращаться за помощью к Россену Ялагру, ставшему Наследником императорского трона. Сомневался, несмотря на тот факт, что Ризлу посчастливилось учиться в Военной школе Свидарга в одном наборе с младшим принцем первой крови.

Россен пришел в школу пятнадцатилетним мальчишкой, для сына Императора сделали исключение. Его одноклассники – юноши от семнадцати до двадцати-двух лет. Разница не помешала венценосному подростку отличиться умом и физическим развитием, но помешала завести друзей. По многим причинам.

Взросление знатного школяра проходило иначе, в другом мире, по другим законам. Он с детства близ Императора, его жизнь наполнена приемами, советами, государственными делами. С восьми лет он – Наместник восточных провинций Ригорона. Его одноклассники – баловни родовитых семей, зачастую провинциальных и далеких от государственных дел. Он уже второй раз женится, они копят деньги на редкие походы в потребные дома. Он живет в императорском дворце, они ютятся в съемных комнатах. Он серьезен, вдумчив, требователен, безжалостен, не терпит несовершенства. Они ищут повод посмеяться, полениться и поразвлечься.

Россен Ялагр не сошелся характером ни с кем. Большинство одноклассников обходили его стороной, иные пытались завязать дружбу, но выходило только к худшему. К нему особое отношение, его трудно превзойти, а рискнувших сделать это нашлось немного. Если хорошенько припомнить, всего один, и это Ной Орс, тот – настоящий шельма в точных науках. Эти двое всерьез не ладили, и это объяснимо, оба не ладили ни с кем. У Орса дурной характер, он сквернословил каждому и находил в том удовольствие. Ялагр не снес ему голову только из уважения к старшему брату, Торку Орсу.

Трудно сказать, заметил ли Россен Ялагр среди всей этой школьной братии Луэйма Ризла, но встречу подтвердил и принял его в своем личном кабинете. Наследник слушал просителя молча, не проронил ни звука, от чего тот посчитал возможным рассказать ему все и не поспешить на подробности. Когда Луэим закончил, тот еще долго молчал, изматывая посетителя тревожным ожиданием.

– Сколько солдат погибло в южной кампании? – неожиданно спросил Ялагр.

Мужчина пожал плечами.

– Несколько тысяч.

– Ты даже не знаешь их число. Среди них восемь человек из моей команды. Они сражались до последнего, но их смерть оказалась напрасной, а тела остались непогребенными на западном побережье Алесции.

Луэим повесил голову. Вся южная кампания оказалась напрасной.

– Я планировал эту кампанию много лет, говорил о ней на каждом военном совете, подготавливал толкового генерала, и все для того, чтобы однажды взять Горный перешеек, исправить

то, что не исправили до меня и закрыть южные ворота в Империю от любого неприятеля. И что же?

Луэйм терял последнюю надежду. Ялагр такой, каким был всегда, он не поможет ему.

– Вы сдали перешеек в два дня.

– По приказу Императора.

– На плохие приказы всегда найдутся хорошие исполнители.

– Приказ исполняли все, однако ж помилованы командоры южной армии. Даже Торк Орс, – заметил Ризл.

– Он – простой вояка, который мало что может изменить, а вот твой отец – советник, и его главная обязанность – давать правильные советы.

– Он исполнял волю Императора...

– Который действовал в горячке! – рявкнул Ялагр. – И не нашелся ни один, кто бы успокоил его, подсказал, как лучше. А это должны были сделать советники! Неужели не ясно, что алесцийцы довольствовались бы малым, обещанием не продолжать южную кампанию?

– Все было сделано только ради вашего спасения...

– Ну, и что, спасли? Нет, и Горный перешеек сдали. Подарили! Кому?!

Добиться милости от этого Ялагра – пустая затея.

– Отец пожилой человек, он на рудниках, как последний каторжник.

– Он там, где и должен быть. За гибель солдат кто-то должен ответить. Не мне тебе рассказывать наши правила.

– Мне нечем кормить семью. Скоро у меня не останется средств на съемные комнаты, мои дети окажутся на улице.

– А мне теперь строить крепость, чтобы закрыть дырку в Пограничных горах? Во сколько по-твоему обойдется такая Крепость? Горный перешеек был у нас в руках, его нужно было держать!

– Я прошу о милости, Ваше Императорское Высочество. Не о прощении, о милости.

– Я не раздаю милости. Это не в моих правилах. Только казни и награды.

Луэйм опустил голову. Наследник больше ничего не говорил, он прошел к огромному столу в углу комнаты и склонился над ним.

– Смотри сюда, Эйм, – он призвал его к себе.

Это была огромная карта, на ней детально прорисованы Пограничные горы со множеством пометок, записей, расчетов расстояния и временных потерь. С обеих сторон от гор прорисованы северное и южное предгорье с поселениями и городами. Россен сосредоточен на восточной ее части, Ризл склонился рядом.

– Восточные Пограничные горы. Здесь указаны все ближайшие доступные нам проходы. Перевалы, горные тропы, морские подходы, пути контрабандистов и гралийских мародеров.

Луэйм сосредоточенно хмурился. Россен водил по карте пальцем с крупным сверкающим перстнем. Личный перстень Ялагра, усыпанный россыпью алмазов и сапфиров.

– Нет одного, он примерно здесь.

Палец с перстнем ткнулся в одну точку в горах.

– Путь нехоженный, тайный. Это пещера, природный тоннель на ту сторону. Путь в Алесцию через нее в несколько раз короче, многократно проще и надежнее.

Луэйм нервно мямл подбородок.

– Мне нужен этот проход. Мне нужен проводник. Не знаю, как часто им пользуются. Проводников по эту сторону гор нет, я уже проверил, но есть в Алесции. Их немного. Алесциец или алесцийка, неважно.

Ризл понимающе кивнул.

– Ты приведешь мне проводника, я дам тебе все необходимое для этого, – Россен смотрел на него своими пронзительными зелеными глазами. – А по возвращении я верну твоего отца, а тебя сделаю Наместником южных провинций. Вместо моего брата, Рестиана Ялагра.

У просителя подкосились ноги.

– Или вышвырну всех Ризлов за северную стену, в степь, к кочевникам, – холодно добавил он. – Ты прекрасно знаешь, что сделают с ними кочевники.

Луэйм звучно сглотнул.

– На это время твоего отца перевезут в острог и дозvoлят посещение знахаря. Привези мне проводника, Ризл. И будет тебе награда или расплата.

Пойди, разбери теперь, правильно сделал, что пошел к нему, или ошибся?

Глава 3

Впервые за много месяцев Луэйм позволил себе расслабиться и вдоволь выспаться на обычной койке в стенах горного домика. На утро он в первую очередь поинтересовался о своей спутнице. Забота о ней станет для него жизненно важным делом. В кратчайшие сроки ее следовало доставить Россену Ялагру. Луэйма заждались дома, его отец болеет в неволе, жены сходят с ума от беспокойства, дети взрослеют без отца, дела пришли в упадок.

Луэйм побеспокоился о завтраке пленницы, после чего бодро вошел в ее комнату и также бодро вышел. Алесцийка, подобно самой обычной женщине, кормила дитя. Вид открытой женской груди смутил мужчину, он решил отложить разговор на более позднее время. Покуда следовало заняться спешной подготовкой к длительному переезду в Свидарг.

Луэйм вернулся, когда его пленники позавтракали и пребывали в беспокойном ожидании. Впервые ему удалось хорошенько ее рассмотреть. Алесцийка оказалась молодой женщиной, не юная дева, но смотрелась необычайно молодо и привлекательно.

Он поневоле засмотрелся. У нее высокий рост, подвижное сильное тело, смотрелось это неплохо, по-своему красиво. На ней ригоронские одежды, но он знал, что под ними скрываются алесцийские штаны. Светлые волосы уложены в диковинные косы, кожа с оттенком солнца, а глаза – синие озера. Вся она настолько чужая, что он не мог оторвать взгляд.

Альфа лишь мельком рассмотрела Ризла. Молодой мужчина, светловолосый, с аккуратной бородкой, внимательными серыми глазами и широкими бровями. По его лицу трудно определить, каков его нрав, но ненависти или брезгливости в глазах нет, это хороший знак. Он изучал ее столь пристально, что женщина сдалась первой:

– У меня кожа зудит от твоего взгляда.

– Мое имя Луэйм Ризл, – поспешил представиться мужчина. – Как твое имя?

Альфа задумчиво опустила ресницы и ответила:

– Какая любезность, Луэйм Ризл. Мое имя Финн.

– Гм... Ты – алесцийка?

– Станный вопрос, ты проверял мои бумаги. Я – ригоронка.

– Ты впервые в Империи?

Альфа посмотрела на него убийственным взглядом.

– Я здесь родилась, перестань задавать глупые вопросы.

– Гм... что ж, в таком случае тебя не должно удивлять происходящее.

Женщина приподняла изящную бровь.

– Ты так считаешь, Луэйм Ризл? В происходящем нет ничего удивительного? Даже тот факт, что в горах ступить некуда, чтобы не натолкнуться на вооруженных до зубов головорезов, готовых наброситься на незащищенную женщину с ребенком?

– Вздумавшую совершить ночную прогулку из Алесции в Ригорон, – продолжил за нее Луэйм.

– С чего ты взял? Может, я хотела, чтобы мой ребенок подышал горным воздухом, что полезно, прошлась самую малость, ни о какой Алесции знать не знаю. Кстати, со мной был мой законный супруг...

– Довольно! Я провел в горах несколько месяцев не ради удовольствия слушать небылицы.

– Если тебе не нравятся мои небылицы, давай послушаем твои.

– Скажи, как ты прошла горы?

Альфа насторожилась и громко надкусила яблоко.

– Меня до глубины души трогает твое беспокойство. Все плохо, потому что я встретила тебя.

– Ты прошла тайным ходом, не так ли?

– Что за тайный ход?

– Пещера!

Альфа поперхнулась куском яблока. Вот оно что!

– Тебя интересуют сказки про таинственные пещеры и несметные богатства, спрятанные в них?

– Меня интересуешь только ты. Ты, твой ребенок и наше совместное путешествие в Свида-
дарг.

Альфа напустила на себя равнодушный вид. Им не по пути.

– Зачем так далеко?

– Это прекрасный город, тебе стоит на него взглянуть.

– Это предложение, от которого я не могу отказаться?

Алесцийка не лезла за словом в карман, Луэим не мог не поддаться ее обаянию.

– Мне приказано доставить тебя во дворец Императора.

Альфа подавилась и начала кашлять. Им совсем не по пути.

– Вот уж, зачем отнимать у такого занятого человека время?

– С Императором тебе не выпадет часть, – уточнил ригоронец. – А вот его сын очень
ждет вашей встречи.

Альфа почувствовала, что уже не голодна. Зачем ригоронскому Ялагру алесцийка, зна-
ющая ход через пещеру? Женщина задумчиво закусил губу. До Свида-
дарга далеко, у нее еще
будет возможность выпутаться из этой скверной истории. Она решительно отказывается от
знакомства с представителями семьи Ялагров.

– Зачем ему это? Меня отдадут палачам?

– Для этого не требуется ехать в Свида-
дарг.

– Меня сделают наложницей?

– Уверен, у Наследника вкусы... – Луэим оценил рослую жилистую девушку, – несколько
вызывает.

– Меня не заставят драться на потеху?

– Слишком дорого ты обошлась, чтобы стать потехой.

– Что Ялагру нужно от меня?

– Что бы ему не потребовалось, ты с радостью выполнишь любую прихоть. И это не
угроза, поверь, – серьезно проговорил ригоронец, – это личный опыт.

Женщина догрызла яблоко, швырнула огрызок в сторону и хищно улыбнулась.

– Допустим, ты ошибся и привез Ялагру не то, что он ожидает, а я смогу доказать, что
ты все подстроил, и я – обычная ригоронская женщина.

Луэим с сомнением покосился на алесцийку.

– А мечи, которые были с тобой?

– Я нашла их в предгорье, – парировала она.

– И ты мастерски махала ими, это видели мои люди.

– Я была напугана, не сделала ни одного выпада, но защищала своего ребенка.

– На тебе одежды алесцийки.

– Поддела штаны, в горах холодно, я боюсь застудиться.

– Которые были утыканы кинжалами и короткими ножами.

– А вот это мое, и ровным счетом против таких головорезов, как ты, – согласилась она
и похлопала ресницами.

– Довольно, – возмутился Ризл. – Меня предупреждали о коварстве южных женщин, я
не намерен тебя слушать. Мы выезжаем через час, хочешь ты того или нет.

Он готов уйти, но Алесцийка преградила ему путь и неожиданно жестко вывернула руку.

– Одно маленькое уточнение, Луэим Ризл. Ты обещал отпустить моего мужа, Грая Ниаку.

– Его вышвырнули вон с рассветом. Он мне не нужен, он ничего не знает.

Ригоронец выдернул руку, зло пыхнул на Чужеземку и хлопнул дверью. Альфа задумчиво закусила губу. Возвращение домой откладывается на неопределенный срок. Она представила, как будет волноваться Кен, как Сиуца захлебнется от слухов и предположений, как Аспия, едва обретя новую Теседу, потеряет ее из виду. Через несколько месяцев королевские игры в Падмире, а она делает визиты принцам первой крови Ригорона.

– Лихие боги! Откуда он узнал о пещере?

Луэйма сопровождал отряд из тридцати бойцов, остальных он выслал вперед. Тридцать он посчитал достаточным для охраны одной безоружной женщины, которая обременена грудным младенцем, оказавшимся, к слову сказать, весьма беспокойным малым. Если мать терпимо относилась к крикам своего отродья, ее спутников все больше раздражало его присутствие. Он прокричал все утро, испортил отъезд и замолк лишь под грохот копыт отъезжающего отряда.

За время, проведенное в горах, Ризл успел все продумать, предусмотреть и спланировать обратный путь в деталях настолько подробных, что знал наперед каждый час своего движения. Золото, полученное у казначея, решало все вопросы, комнаты на постоянных дворах оплачены, лошадей можно менять каждый день, бумаги, выданные Ялагром сделают остальное. Если двигаться согласно плану, без задержек и остановок, проводить светлое время верхом, строго по Главной дороге и на свежих лошадях, уже через три-четыре недели он станет Наместником южных провинций, а его отец выйдет из острога.

В пути пленница не вырвется, ее лошадь в кольцо стражей и привязана к луке седла Ризла. Она озирается по сторонам, но здесь ее ждет разочарование. Он дает короткие остановки, на которых шагу не делает от ценной спутницы. Женщина занята ребенком, а бежать наперевес с младенцем, и безоружная, она не станет. Она подождет вечера, но и он его ждет. На постоялом дворе лучший момент для побега, но у нее будут самые надежные двери, самые маленькие окна и самые верные стражи.

Он предусмотрел все, но не был готов к тому, что может выкинуть эта девка. На первой же остановке близ города Синие Леса злодейка переполошила весь двор громкими криками о похищении богатой княжны и ее грудного сына, наследника несметного состояния. Она выглядела убедительно, несколько крепких и алчных горожан затеяли драку с головорезами Ризла, разнесли главный зал в щепки, едва утихли, а сам Ризл был вынужден компенсировать понесенные убытки.

Ее коварство поражало. Она не только знала имена Великих князей Ригорона, не только отменно играла несчастную княжну, но и со знанием дела манипулировала ригоронским людом. Она звала на помощь, громогласно кричала об убитых спутниках в Тисовом лесу, он и сам засомневался в ее происхождении. Что, если он ошибся, и девица родом из Ригорона? Вот будет потеха, если он привезет в Свидаг не алесцийку, а... Кого? Как бы ни было, Ялагр не оценит его провал, и сделает, что обещал.

Вырваться ей не удалось, но она порядком разозлила похитителей. Луэйм ворвался в ее комнату и пообещал в следующий раз заткнуть рот кляпом. Альфа гневалась, что разбудили сына, швырнула стулом и сообщила, куда запихнет кляп лично Ризлу.

– Откуда ты знаешь князей Дэвони? Откуда ты знаешь этот город?

– Наконец ты начал задумываться, Ризл, – верещала она. – Непривычно для тебя?

– Кто ты? Алесцийка не может знать этого?

– Какие неожиданные выводы! Возможно, я – не алесцийка?

– Мне не важно, кто ты! Пусть даже ригоронка! Проводник, что знает путь через пещеру!

– Слушай, Ризл, – резко переменилась она. – Допустим так. Зачем тащить проводника через всю Империю? Я нужна только в горах, а путь туда и обратно откровенно лишний.

Мужчина на миг оторопел.

– Давай я посижу в горном домике с твоими людьми, а потом проведу через перевал, хоть всю южную армию Ригорона.

– Почему через перевал?

– Потому, что о пещере я ничего не знаю.

– Именно потому тебе нужно ехать через всю Империю. В Темной башне Ялагров ты не только вспомнишь пещеру, но и нарисуешь ее с закрытыми глазами.

Следующим вечером отряд остановился на небольшом постоялом дворе, где свободных гостевых комнат не оказалось, Ризлу пришлось убедить хозяина, освободить для узницы хозяйские комнаты. Убеждение стоило дорого, он не жалел казенного золота. Ночью случился пожар, как так, никто не разобрал в суматохе и панике. Алесцийка разгромила комнату и вышибла окно, оттуда по крышам пристроек спустилась к конюшне, и уже готова была бежать, не будь Луэйм начеку. Его люди отдыхали в конюшне, они встретили поджигательницу и предотвратили побег. По итогам ночи Ригоронец оплатил стоимость нескольких сгоревших комнат, а затем разбирался с патрульными стражами, которых направили из Синих Лесов за несчастной княжной.

– Какая, к лихим богам, несчастная княжна? – ревел Ризл.

– Я племянница князя Ричала Дэвони и князя Гарета Натигэлла. Этот лиходея сжег мои бумаги и надругался надо мной.

– Что?

– Дважды.

– Что?!

– Его бумаги поддельные. Он похитил моих людей, убил в Тисовом лесу лишних свидетелей.

Патрульные переглянулись и сурово посмотрели на Луэйма Ризла.

– Интересная история, – вопил он. – Может тогда придумаешь, куда ехала княжна через Тисовый лес со своим, якобы, мужем.

– Мы ехали в горы, – хлопнула та ресницами и обворожительно улыбнулась. – Ведунья велела предаться там близости, отчего у нас родится дочь, настоящая красавица. А он убил моего мужа.

От ее коварства и находчивости Ризл терялся. Она на ходу плела такие байки, сам поверишь, что ты злодей и разбойник Тисового леса. А патрульные стражи уже взялись за рукояти мечей.

– В моих бумагах указано, что я – Луэйм Ризл, мой отец Лойтуан Ризл – личный помощник Рестиана Ялага, принца первой крови. Я готов поговорить с Наместником Синих Лесов, но это задержит исполнение воли Наследника трона. Против слов сомнительной особы, которая добивается лишь одного – нарушить планы Наследника!

Ризл кивнул своим людям и те ошетились мечами.

– Я буду ехать Главной дорогой, и, если остались вопросы, я готов ответить.

Отряд молча выехал с постоялого двора, командор хмуро вел за собой ее лошадь. Они проезжали мимо Тисового леса, где покоились могилы ее близких. Альфа тоскливо всматривалась в даль. На обратном пути она заедет сюда, проведает их, расскажет им о днях, которые ей пришлось прожить без матери и любимого дядьки. И она скажет им, как благодарна за такую судьбу, за то, что ей позволили стать свободной.

– И чтобы я не слышал больше о княжне. Иначе остригу твои косы и надену мужские тряпки.

– Опасное дело ты затеял.

– Обещай мне.

– Хорошо, – спокойно ответила Чужеземка. – Мы проедем мимо Седьмого Холма?

– Что-то слышал об этом захудалом городишке, – зло буркнул мужчина.

– И даже не заедем?

– Вряд ли Наследник трона ждет нас в Седьмом Холме. Последние лет эдак пятьсот Ялагры Ригоронские обитают в императорском дворце Свидарга.

Альфа недовольно поморщилась и подумала, что не будь этих Ялагров Ригоронских, и в особенности последнего из их рода, она была бы в шаге от родного Седьмого Холма, а уже вскоре ее братья подыскивали бы Лагриду няньку и кормилицу.

Подъезжая к постоялому двору, Ризл волновался, ожидая подвоха от Алесцийки и ее отродья. Та величаво прошла по залу, бросила службе обширный заказ на вечер, потребовала для ребенка чистой воды и тряпок, а потом громко сообщила, что это ограбление, и всем лучше добровольно отдать ее помощнику свои кошельки.

В зале повисла зловещая тишина.

Только глубокой ночью постояльцы успокоились и поверили красному от гнева Ризлу, что его спутница сумасшедшая, им не о чем беспокоиться, ему не нужны ни их жизни, ни их кошельки, а сам он – добропорядочный человек, который сопровождает женщину к родным. Однако путников попросили оставить оружие в сарае. Ризл, скрипя зубами, согласился и промучился до утра, лично охраняя ее дверь.

С первыми лучами солнца они покинули гостеприимный дом, хмурые лица косились на командора и его девку. Головорезы звучно зевали и шикали на неугомонного дитя. Ризл готов прибить мальчика, но без того управы на его мать нет. Более того, даже страшно представить, что она выкинет, чтобы отомстить за своего ублюдка. В лучшем случае, она перережет им горло. Куда проще договариваться с ней по-хорошему, она вполне разумна.

– И больше никаких ограблений. Ты подвергаешь опасности себя и ребенка.

– Брось, Ризл, я пошутила, – хмыкнула она.

– После одной из твоих шуток мы можем не отбиться. И бумаги Ялагра не помогут.

– Отобьемся, – беспечно отмахивалась она. – Только мечи верни, я всех покрошу ровными кусочками.

– Ты и сейчас шутишь?

– Нет, сейчас не шучу.

К вечеру командор всерьез задумался над тем, чтобы остановиться у дороги. Но усталые лица спутников требовали кроватей и хорошего питейного заведения. Еще раз перечислив все кары небесные, которые свалятся на алесцийку в случае повторения вчерашнего, командор направил лошадей к гостеприимному дому. Альфа выглядела усталой, малыш раскапризничался. Как только спешили, она вошла в столовый зал, покачиваясь от слабости. Ризл следовал за ней тенью, при встрече с хозяином торопился и нервничал. Женщина попросила ребенка с ветряной лихорадкой знахаря и смачно чихнула прямо в лицо хозяину.

Все, что произошло после сего действия, походило на стихийное бедствие. Никакие бумаги Ялагра не действовали, никакое золото не работало, объяснения про сумасшедшую не принимались, их попросили убраться всей гостиницей. Ризл опустил до шантажа, а затем и разбойного нападения, от которого зарекался еще день назад. Удерживать целый постоялый двор в страхе – непростая задача, его люди не спали еще одну ночь, в то время как виновница паники отсыпалась со своим детенышем в отдельной комнате.

Луэим поймал себя на мысли, что считает дни до приезда. Он не верил ни ее слову, ни ее клятвам, она изворотлива и коварна, как сто алесциек. Ее буйная фантазия только набирает обороты. И главное, она получала удовольствие от происходящего, будто тешилась над его людьми. Сбежать не удастся, она изведет его, он сам вернет ее в горы. Луэим вздрогнул. Он не может вернуть ее, откуда даже мысли такие берутся?

В отряде начался ропот, люди мечтали об отдыхе, нормальной еде и хмеле. И еще мечтали придушить девку и ее визгливое отродье. Пара таких дней, и он уже не сможет остановить их.

А они не проехали и четверти пути! Лихие боги! Им придется останавливаться в открытом поле, все планы рушатся на ходу.

– Откуда ветряная лихорадка? – недоумевал он поутру.

– Хворь так и начинается, – заявила она. – Лаг покраснелся от крика, у него усталый вид.

– Он всегда кричит, – взревел командор.

– Но не всегда усталый.

– Он нет, он здоров, как теленок. Усталые все вокруг него.

– Я просила отдать его Граю.

– Никогда не поздно избавиться от него.

– Только попробуй, ригоронец, – зашипела дикарка, – и я выгрызу твое сердце.

Луэйм больно сглотнул. Он верил ей, с нее станется.

– Давай хотя бы через раз. Люди валятся с ног и сделают это помимо моей воли, – мирно предложил он. – Еще одна такая ночь, и я не смогу их остановить.

Финн согласно кивнула, но на следующем постоялом дворе он не стал рисковать. Для женщины сняли сарай, вокруг выставили стражу, она даже не вошла в общий зал.

Расселив пленников и заказав ужин, Луэйм устало вытянул ноги. Крик младенца до сих пор ульем гудел в его ушах, но это всего лишь другой младенец надрывался в хозяйских комнатах. Ризл искал тихую обитель, где можно отдохнуть от пережитого и залить усталость холодным пивом.

– Где, как не в этой дыре, мы могли встретиться? – воскликнул знакомый голос.

Ризл вздрогнул, когда по его столу громко стукнула массивная кружка, а напротив него опустился в кресло неожиданный гость.

Глава 4

Империя Ригорон. Южные провинции. Город Седьмой Холм.

– Ты ли это? – безрадостно пробормотал Луэйм.

– Я тоже рад тебя видеть.

Луэйм поморщился, словно от зубной боли. Вот откуда он помнил дрянной городишко Седьмой Холм. Это город Ноя Орс. Не самое светлое воспоминание юности, прошедшей в Военной школе Свидарга. Постоялый двор близ Седьмого Холма самое место для этого паршивца.

Луэйм залпом выпил кружку пива. Вечер и так безнадежно испорчен. К чему сопротивляться?

– Орс, не будь у меня так хорошо на душе, я бы запаниковал, – честно признался Ризл. – Ведь даже увидеть тебя во сне – скверная примета.

Ной Орс обаятельно улыбался. Встретишь такого и никогда не скажешь, что это худшая встреча в твоей жизни. Красивый мужчина, прекрасные светлые волосы, ярко-синие глаза, идеальный рот и зубы, и рост, и стать на зависть. Он кого-то напоминал ему, черты лица, глаза, улыбка, неуловимое сходство с кем-то хорошо знакомым. Но с кем?

– Гм... Ризл, а выглядишь ты паршиво для человека, у которого хорошо на душе.

Злой язык Орс хорошо знаком каждому, кто хотя бы однажды имел несчастье встретить его на пути. Изворотливый прохвост, он не раз был помят своими товарищами в школе Свидарга. Орс не уживался даже с теми, кто был кроток и тих, не мирился даже с сыном Императора. Россен лично наставил тому пару синяков, чтобы тот ослабил свое рвение унижить еще большего гордеца.

– Как дела, Ной Орс? – нехотя начал беседу Ризл.

– Мой давно позабытый школьный друг, в былые времена я бы солгал тебе, что у меня все в порядке.

– Ты во все времена лгал, – буркнул Ризл.

Ной оскалился в очаровательной злой усмешке.

– Те времена я вспоминаю с щемящей грустью, – улыбка сползла с его лживого лица. – Счастливое времечко было.

Луэйм согласно кивнул, его тоже грызла тоска по детству, где не было тревог и нынешних забот.

– Нынче времена для всех тяжелые, – пробормотал Ризл. – Я сожалею, что твоего брата, генерала Торка Орс, постигла злая доля.

Ризл несколько не сожалел. После близкого знакомства с Ноем все Орсы перестают вызывать сочувствие, ибо если они не придушили это исчадие еще в младенчестве, пусть не жалуются. Впрочем, придушить того было мало, после следовало четвертовать, сжечь и развеять пепел, потому что Орсы удивительно везучи и живучи, и при случае на них либо топоров не хватит, либо потопом костер снесет. Яркий тому пример, сам Торк Орс, который легко отделался после южной кампании, в то время как старший Ризл все еще гниет в остроге. Где, лихие боги, справедливость?

– Он всего лишь солдат, – заметно, что Ной оправдывает брата всякий раз, как заходит разговор. – Разжаловали, отняли все награды, изгнали из армии.

– Если тебя утешит, мои дела не лучше.

– Гм... Разумеется, утешит, – расплылся в улыбке Ной.

– Мой отец в остроге, ему грозит смерть, семье изгнание, – признался Луэйм.

– А я было думал занять у тебя деньги.

– Занимать тебе, все одно, что выбросить на ветер, – фыркнул Ризл. – Что с твоим отцом?

– Он давно отошел от дел, – рассказывал Ной. – Пока братья воевали, мне приходилось тянуть на себе дом и семью. Все изменилось, Луэйм. Кто мог подумать, что отец так быстро сдаст.

– Болен?

– Он болен душой и давно. Забросил дела, дом, город. Мне приходится одному решать все проблемы. Наместник все еще мой отец, а дела веду я. Титт мне не помощник. После Горного перешейка он еще год был в плену, после возвращения ему не позволили вернуться в армию. Ему не доверяют.

Ризл неумело изображал сочувствие. Ну, вот, еще один Орс, и снова удивительное везение. После года плена тот чудом возвращается домой живым и невредимым, в то время как тысячи солдат сложили головы в самом начале войны. Их отец прошел несколько военных кампаний, и стал одним из немногих боевых генералов, доживших до седых бровей. По слухам, единственное боевое ранение, которое тот получил, был ячмень, вскочивший от крови убитого вереса.

– Мать разболелась во время кампании в Горном перешейке, отец еще больше сдал.

Ной безнадежно махнул рукой.

– А что с твоим отцом? – поинтересовался Орс. – Выпутается?

– Возможно, – неуверенно заметил Луэйм. – Слышал, что произошло в императорском дворце?

– Такие вести не обходят стороной даже Седьмой Холм, – присвистнул Орс. – Попроси Ялагра о милости.

– Хм... Думаешь, сам не догадался? – язык Луэйма от выпитого успел развязаться.

– Поможет? – встрепенулся тот.

– Это моя последняя надежда.

– И ты потому здесь?

– Не иначе, – Луэйм попросил принести еще пару кружечек пива.

Пленница вконец измотала его. Ничего ему не хотелось так сильно, как забыться в хмельном угаре.

– Твои дела наладятся? – допытывался Орс.

– Его Императорское Высочество обещал поддержку.

Ной подозрительно вглядывался в школьного товарища. Дела этого столичного выскочки пойдут в гору, если Наследник трона на его стороне.

– Не хочу вмешиваться, – заметил Орс, – но, если тебе потребуется помощь, я всегда рад помочь.

– Странно слышать от тебя подобные слова, – хмыкнул Ризл. – На зубах так и скрипит подвох.

– Общая беда должна сплотить нас.

– Ной Орс, ты не заболел? Ты даже слов таких не знаешь? Впрочем, кроме шуток, у меня достаточно помощников. Только одна напасть, ее визгливый младенец. Он сводит меня с ума. Не припомню, чтобы мои так любили кричать.

Ной внимательно вглядывался в собеседника. Он еще не понимал, о чем идет речь, и как ему с прибылью использовать эту встречу, но уже почуял след.

– Ты не представляешь, Орс, каких усилий мне стоило изловить ее, – жаловался Луэйм. – Проклятые алесцийки.

– Алесцийка? Неужели?

Лицо Орс не изменилось, но глаза вспыхнули ярким синим пламенем. Будь Луэйм трезв, он насторожился бы от этого цепкого взгляда. Ной остановился пить, как только разговор зашел на серьезную тему.

– Я бы мог помочь.

– У меня с собой три десятка отборных ребят, а следом едут еще двадцать, – буркнул Луэйм. – Чем ты можешь помочь?

– Я просто предложил, – небрежно пожал плечами Ной. – Эти южные бабы такой народ, уйдут даже из-под носа целого города. Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

– От меня не уйдет.

Ной размышлял, поджав губы. В голове роились десятки мыслей.

– Еще пива, – крикнул он хозяину.

На этом можно заработать. Каким образом, еще не ясно, но, если хорошенько напоить столичного выскочку, тот сам выложит подробности. Дела семьи совсем плохи, поддержки ждать не откуда. И началось это не сейчас, задолго до последних событий. В тот злополучный день, когда Аяна и Финн исчезли из дома Орсов, все пошло наперекосяк, словно и держалось за счет этих двух беглянок.

Для семьи настоящее потрясение – поступок Аяны. Кто мог ожидать такое вероломство? Отец затеял погоню, но все тщетно, женщины, а с ними и кузнец, будто растворились в северном предгорье. Отец исхудавший, замкнутый, с обезумевшим взглядом просиживал в своем кабинете целыми днями, не покидая его даже для того, чтобы поесть или поспать. И все деньги семьи спускал на головорезов, что продолжали искать женщин еще несколько лет после их побега. Он заставил Ноя возглавить поиски, отчего тот попал в Военную школу Свидарга на несколько лет позже ожидаемого.

Торк Орс вернулся из Тисового леса с пустыми руками. Его спасли по чистой случайности, мимо проезжал Наместник восточных провинций, принц первой крови, Россен Ялагр, младший сын Императора. Уже спустя год тот пригласил Торка принять участие в восточной кампании. Обошлись без помощи Великих князей, Дэвони и Натигэллы от них отвернулись. Но после Горного перешейка все снова рухнуло.

Торка Орса осудили и отправили на рудники, Титт не вернулся, мать слегла от горя. Император назначил выплатить в казну суровую плату. Ригорон потерял в Горном перешейке много золота, он восполнял потери за счет виновных. В числе должников и семья Орсов, но даже продажей конюшен не оплатить все долги. Ной крутился, словно лодка в горном пороге, в поисках любого заработка. Деловой хватки ему не занимать, вот только быстро получить прибыль законным образом не выходило.

Соблазн перехватить выгодное дельце у Ризла велик, более того, это дело чести. Хотя бы потому, что сам Ризл умом никогда не блистал, тихоня и размазня, возвысился за счет своего поворотливого папаши. И потом, кто как не Ризлы ответственны за провал в Горном перешейке, они стояли близ Императора, когда советовали начать южную кампанию и когда так бездарно ее сдали. Со временем все утряслось, младший Ялагр нашелся, дыра в казне затянулась, армия стоит на месте, как и стояла до того, Ризлы уже протоптали тропинку в императорский дворец, а у Орсов нет денег даже на сегодняшний ужин.

– Нет, Орс, – промямлил захмелевший Ризл. – Эту алесцийку необходимо отвезти в Свидарг. Она нужна Россену. Только это позволит спасти моего отца, вернуть семье достоинство и достаток.

Но зачем она нужна младшему Ялагру, пропойца Ризл отказывался говорить. Продолжал ныть и жаловаться на свою долю, а к главному так и не приблизился, сколько бы не выпил. А без того дело не выгорит, в императорский дворец не заявишься с вопросом: почем нынче алесцийки? Да и Наследник его не примет, и причина тому не только в Горном перешейке, который сдал один из Орсов. Младший Ялагр высокомерен и тщеславен, он не терпит чужого превосходства, а Ной превзошел его в точных науках и не скрывал своего довольства.

– Спаси твоего отца и вернуть достоинство твоей семье – моя единственная мечта, – хмыкнул Ной. – Еще пива!

Ной покинул Ризла, когда тот бесчувственным мешком повалился на стол. К тому моменту в голове Орс созрел детальный план действий.

Альфа очнулась от сильнейшей боли в затылке. Боль была настолько жестокой, что она с трудом могла пошевелить головой. Казалось, она бы раскололась, если бы не тугое плетение кос, которое смягчило удар.

Память возвращалась постепенно. Со стоном она заставила себя приподняться, руки осторожно разминали больное место. Вскоре начали восстанавливаться события всей жизни и, в частности, вчерашнего дня.

Лаг спал плохо, у него чуткий сон. Мать тихо ворчала, пока за окном пьяные стражники громко гоготали и рассказывали короткие глупые истории. Это слишком затянулось, она уже готова вмешаться, но усталость взяла свое и вояки начали затихать. Для узницы любое стечение обстоятельств – очередной повод задуматься о побеге и оценить свои шансы. Женщина плечом выбила запертые ставни, выглянула из окна и спешно засобиравалась. Ей понадобилась пара минут, не больше, чтобы подхватить ребенка и выпрыгнуть на волю. А затем гудящая боль в голове и тишина.

Здесь маленькая затхлая комнатенка, куда не проникает ни единый лучик света. Необычная, тягучая тишина настораживает. В последнее время она отвыкла от тишины. Сердце тревожно кольнуло: Лаг! Отчего не слышно его голоса или детского нежного сапа?

– Лаг? – тихо прошептала она, по привычке боясь напугать малыша.

Ее призыв остался безответным, женщина бросилась ощупывать пол комнаты. Та оказалась невелика, пленница скоро выяснила, что находится здесь совсем одна.

– Лаг! – хрипло простонала мать и начала исследовать стены.

Она позабыла о боли, руки лихорадочно искали утерянное дитя.

– Лаг! – вырвался вопль из самого сердца.

Везение Орсов – миф, и Ной Орс убедился в этом на собственной шкуре. Ему никогда не везло в делах, хотя он поворотливее многих; ему не везло с друзьями, радует лишь то, что им с Ноем не везло еще больше; и ему совсем не везло с золотом, особенно в последнее время. Поэтому на везение он не полагался, лишь на свою светлую голову, в которой всегда рождается пара доходных идей. Есть шероховатости по части их реализации, и, как правило, события развиваются не по плану, но на этот раз он сделает деньги буквально из воздуха.

Все сопутствующие издержки не слишком тяготили, тем более, за пиво платить хозяйину застолья. Да, пришлось повозиться, девица попалась тяжелая, рослая и с младенцем. Путь домой занял больше времени, чем обычно, но сознание того, что в его руках вот-вот зазвенят золотые монеты, вдохновляло даже утром на большую голову. Холминец доставил алесцийку в свой дом, запер в подвале с надежными запорами, и тем исполнил первую часть плана.

Утром командор стражи хмуро топтался в доме Наместника. В ближних краях найдена алесцийка, это проклятие какое-то, южные бабы так и выются вокруг Седьмого Холма. Наместник города не здоров, и ответственность за чужеземку ложится на плечи местного служаки. Ной Орс и сам прохворал, выглядит неважно, с темными кругами под глазами и свежим перегаром. Он не желает иметь отношение к делу, хочет поболеть дома, а лазутчицу отдает в руки простого народа, который должен принять мудрое решение.

Осторожно Ной приоткрыл дверь темницы. Все тихо, алесцийка еще не пришла в себя. Мужчина выставил вперед факел и осветил комнату. Неожиданно пусто, он обвел факелом по

сторонам. Внезапно на него обрушилось что-то быстрое и сильное. Он даже не успел подумать о спасении, когда почувствовал на шее жесткие удушающие тиски сильных рук. Алесцийка вырвала у него факел и выставила против спешащих на помощь стражников.

– Где мой сын? – ее спокойный голос пугал до жути.

– Убери руки, – хрипел заложник.

– Где ребенок? – факел полоснул ретивого стражника по лицу, и тот отпрянул за дверь.

– Отпусти, или он точно умрет, – шипел Ной.

Он сожалел лишь о том, что не додумался связать ей руки и ноги, когда еще была такая возможность. Как Ризл с ней справлялся? Ах, да, пять десятков головорезов!

– Отпусти.

– Ребенок! Поклянись, что ему не причинят вреда?

Альфа ослабила хватку, чтобы услышать ответ.

– Клянусь.

В тот же миг Ной почувствовал облегчение. Его терзал кашель, хватка у этой бабы просто смертельная. Алесцийка все еще держала в руке факел, словно пылающий меч, стражники не решались подступить.

– Нарушишь клятву, и я вернусь к тебе из могилы и придушу, – пообещала она.

Ной, оправившись от удушья, со злостью вырвал факел из ее рук. Его трудно разглядеть в темноте, но это точно не человек Ризла.

– Даже не пытайся повторить свои приемы, иначе, – угрожающе хрипел он, – я могу посчитать себя свободным от всяческих клятв. Ведите ее на площадь.

Свет за пределами темницы ослепил пленницу. За ней следовал ее ночной похититель. Обвыкнув, она насчитала пять стражников. Это обычные городские увальни, владевшие оружием столь же плохо, сколь плохо им удавалось строить из себя героев. Лицо старшего чрезвычайно знакомо, но Альфе никак не удавалось его припомнить. Впрочем, это не так уж важно. Важно, чтобы с Лагом ничего дурного не стряслось.

– Хочешь подивить народ живой алесцийкой? – хмыкнула она.

– Их этим не удивишь. Да и пользы от того мало.

Пленница мельком осмотрелась по сторонам. Дворик неухоженный, зарос бурьяном и сорняками, хозяин заметно пренебрегал порядком и чистотой. Пересекая двор, Альфа внимательно приглядывалась к строениям и их расположению. Странное чувство, ей казался знаком и этот двор, и эта рассохшаяся скамейка, и эти дорожки, и двери, что болтаются на петлях конюшни.

Она зажмурилась. Дворик напоминал ей двор родного дома, но так, как если бы все годы ее отсутствия дом простоял покинутый и в небрежении. Наваждение не прошло. Вот и деревце ей знакомо, на нем Финн нацарапала неприличное слово, имея ввиду Тайру. И двери во внутренние помещения, та, что справа вела на кухню, где она...

Альфа вздрогнула. Это был тот самый дом, откуда она бежала пятнадцать лет назад, тот самый дворик, где она ухаживала за садом, та самая дверь, в которую она вбегала по сотне раз на дню. Это был дом ее отца. Она видела его тысячи раз во сне, она знала здесь каждый укромный уголок. Это был ее дом, в который она уже не чаяла вернуться.

– Живей, – страж пихнул ее в спину.

– Ты здесь хозяин?

– Не твое дело, – отмахнулся тот.

– Никудышный из тебя хозяин вышел, Ной, – громко заявила узница.

Вот, с кем она имеет дело! Все тот же зануда Ной, он никогда не переменится. Вечно пытался дотянуть до Торка и унижить Титта. Финн он не замечал, а когда замечал, непременно делал это с подзатыльником и дурным словом. И хозяин из него вышел плохой, дом пришел в упадок, из конюшен не слышится бодрого ржания породистых лошадей, из кухни не доносится

мучительный запах стряпни Тайры. Девочка каждый день выхаживала кусты роз, теперь на их месте свалены горой кучи старого хлама. А беседка, в которой они с Титом провели все детство и замыслили несчетное количество каверз, покосилась и заросла сорняком.

Мужчина взглянул на алесцийку с презрением, но споткнулся о сломанную ступень и станцевал ритуальный танец ротозеев. Ной Орс – ее родной брат, но именно ему сложнее других объяснить истинное положение дел. Даже нет, ему бы она рассказала эту историю в последнюю очередь, и ожидала бы в ответ длинную речь, сложенную из междометий, неприхотливых ругательств и самых изощренных оскорблений. Куда как проще объясниться с Титом или даже Торком. Те уж точно отказались бы от мысли тащить ее к позорному столбу хотя бы из чувства братской привязанности. Ной Орс такими глупостями отродясь не страдал.

Пленницу завели в помещение дома. Альфа не могла не узнать знакомую прихожую, те же коврики и ручки входной двери. Детские воспоминания нахлынули с новой силой. Казалось, она вернулась в детство, и вот-вот из-за угла покажется задумчивое лицо Аяны или рыжие локоны Титтавы.

Титт!

Титт отправился в Империю и, пусть с некоторыми сложностями, должен был вернуться в родной дом. Но отчего же тот казался пустым, покинутым, не слышно голосов, лая собак, ругани старших жен? Альфа шагнула в открытую дверь.

Улица освещена ранним утренним солнцем. Сколько раз она вот так выходила на прогулку и никогда не ведала, что настанет день, и она покинет этот дом, чтобы быть прикованной к позорному столбу. Альфа нервно сглотнула. Это был ее родной город, но за пятнадцать лет тот успел позабыть о своей маленькой беглянке, и никак не мог узнать в рослой чужеземке свою Финн.

Каждое строение знакомо, за эти годы ничего не изменилось, те же дома, те же окна, те же лица прохожих, застывшие при виде стражников. Альфа ловила на себе их взгляды и знала, о чем они думают, о чем начинают шептаться. Она хорошо представила себе, как весть об алесцийке быстро разнесется по городу, как удивятся юноши, зашикают на них старики, станут вспоминать небылицы о ее племени, как разрисуют картины жестокости и варварства малым детям. При воспоминании об этом Альфа не могла сдерживать улыбки. Ей выпало несчастье, или может быть счастье, оказаться с обеих сторон от позорного столба. Финн словно прошла по загадочному кругу жизни и вернулась туда, откуда все началось.

Конвой достиг центральной площади. Здесь все по-прежнему, как в старые добрые времена. Завидев знакомый столб, Альфа не могла не предаться воспоминаниям. Однажды в дождливую темную ночь они с Аяной пришли сюда, чтобы освободить узницу. Могла ли девочка знать, что эта женщина станет ей матерью и будет рядом с ней дольше, чем ее родная мать? На площади много стражников, возле столба ее в нетерпении ожидал Ной и похожий на кузнеца мужчина. Сердце дрогнуло, место дяди Лага давно занято, и быть может, его родным племянником.

Ной настороженно поглядывал на пленницу, только по утру удалось ее толком разглядеть. Признаться, эта алесцийка совсем не похожа на ту, которую он видел пятнадцать лет назад. Они разные, словно из разных миров. Первая походила на каменную статую, едва подающую признаки жизни, и замершая в своей гордыне и отрешенности. На лице второй отражалось любопытство, подвижность, удивление. Совсем недавно она душила его, словно самка питона, и уже улыбается, будто радуется, что идет на казнь.

– Попробуй только дернуться, – пригрозил он.

Вот, почему с Ноем сложно начать беседу о кровном родстве. Он не поверит, он даже слушать ее не станет. К разумным доводам он глух с детства, а вот шантаж, угрозы, взяточничество и подкуп – его стихия.

– Напрасно увел меня от Ризла. Ты в самом деле считаешь, что он бросит поиски, отступится? Его направил Наследник ригоронского трона, а ты мешаешь исполнению высшей воли. Ты – бунтовщик и заговорщик. По тебе петля плачет.

У Ноя сжались губы.

– И главное, какой прок от того? Что возьмешь с казни алесцийки? Горстку пепла, чтобы удобрить розы на твоей могиле. Не разочаровывай меня, Ной. Куда девалась твоя деловая хватка?

– Моя деловая хватка при мне, – разозлился мужчина. – Но я понятия не имею, о чем ты говоришь. И я ничего не знаю о Ризле. Ах, да, видел его вчера на постоялом дворе. Пару кружек пива распили с ним за воспоминаниями о детстве. И я не знаю, о чем ты говоришь. К тому же, я не разговаривал с тобой.

– И Ризл даже не сложит одно к другому, не заподозрит тебя?

– Уверен, на это его куриных мозгов хватит.

– И он примчится за твоей головой.

– Очень рассчитываю на это, – кивнул тот. – Вот и поговорим о том, как народ изловил алесцийку и требует казни. А остановить праведный гнев народа трудно, все помнят Горный перешеек и погибших там.

– Ты – мошенник! – воскликнула женщина.

– Я? – деланно возмутился тот. – Я не имею к этому делу никакого отношения, лежу себе дома и болею после вчерашнего застолья. А успокоить толпу с риском для собственной жизни если и возьмусь, то только за...

– Золото!

– Можно серебром, но золото предпочтительней, – обаятельно улыбнулся родной брат.

Между тем кузнец закончил свою работу. Ее руки прикованы, на ногах прочные браслеты, опоясывающие цепями столб. Альфа осторожно дернулась, никакая сила в мире не смогла бы одолеть верную работу кузнеца. Алесцийка осмотрелась, два стражника держали караул чуть позади столба. Наместник Седьмого Холма, наученный горьким опытом, предусмотрел казалось все. У пленницы нет ни единого шанса на побег.

Альфа испытывала сильное волнение, когда на площади начали появляться первые жители. Настороженно они поглядывали в центр площади, где перед ними открывалось незаурядное зрелище. Не каждый день в Седьмом Холме к позорному столбу приковывали живую алесцийку, если быть точнее, было это во второй раз, и с тех пор успели родиться те, кто об этом случае знали понаслышке.

Альфа вспомнила, как впервые увидела Кен, вспомнила те чувства, что наполнили ее сердце. Перед ней предстало необыкновенное существо из неведомой страны. Она казалась ей богиней, сошедшей с небес, с презрением озирающей сущее на земле. Как же Кентурси было тяжело!

Альфе намного легче. Она у себя дома, ей все знакомо, она выросла здесь, она знает этих людей, знает, что они думают и что будут говорить. В этом городе живут ее братья, по крайней мере Ной, а значит, у нее остается шанс на спасение, и уж Альфа постарается его не упустить. Есть еще Ризл, но что-то нерасторопно тот ищет свою потерю.

Ей намного тяжелее. Кен не была обременена ребенком, Альфе же остается только догадываться о судьбе Лага и полагаться на честное слово Ноя Оrsa, который с детства имел привычку пренебрегать подобными условностями. Неизвестность терзала ее сердце гораздо больше, чем взгляды жителей Седьмого Холма и их осуждение.

Вскоре центральная площадь наполнилась любопытствующими зеваками. Перед ними в своей непризнанной красоте стояла самая необычная женщина. Она высокого роста, выше многих мужчин. Ее голова убрана самым невиданным образом, белокурые волосы стянуты в

пять тугих кос. Лицо не скрыто накидкой, она не миловидна, вовсе нет. Но правильные черты лица создают образ величественной красавицы.

У алесцийки красивая длинная шея, небольшая грудь спокойно поднимается под плотной материей странного платья. Его подол распахнут, видны длинные ноги в кожаных штанах и сапогах. Такая женщина могла родиться только в Алесции.

Она редко посматривает по сторонам, но, когда устремляет взор в толпу, в нем не найти ответной ненависти, нет в нем презрения или гордыни. Она просто смотрит синими глазами, задумчиво оглядывает своих гонителей. Кто знает, быть может где-то в толпе затерялись восторженные глаза Аяны и испуганно-удивленный взгляд маленькой Финн? Кто знает, быть может среди этих женщин стоит уже вполне взрослая Финн, отданная замуж в четырнадцать, а рядом с ней десятилетняя растерянная девочка?

Нет, она ни о чем не жалеет, не раскаивается. Она поступила так, как велела ей родная мать, она достигла Алесции и стала южным воином. Она испытала и радость познания, и успех в учении, и горести поражения, и торжество победы. Ее окружали верные друзья и грозные враги. Она познала настоящую дружбу, смертельную вражду, отчаянную любовь. Она покинула дом и обрела новый, похоронила мать, но нашла наставницу и помощницу во всех начинаниях.

Она любила. Ей выпало счастье самой избрать себе возлюбленного и познать в его объятиях истинную любовь и страсть. Она была счастлива, пусть век их любви был краток, но столь прекрасен, что она не променяла бы его на целую жизнь постылой супружеской связи.

Грудь ее переполнилась благодарностью к Аяне. Этой маленькой женщине хватило смелости и решительности разорвать узы навязанного брака, бросить все ради освобождения, ради права решать самой, что станет с ее жизнью. И быть может, она делала это не столько ради себя, сколько ради дочери. Альфа выполнила ее завещание. Она стала алесцийкой, сильной, достойной восхищенного взгляда собственной матери.

– Долго будет продолжаться этот фарс?

– Пока не соберется достаточно народа, и пока Ризл не раздерет слипшиеся от пива глаза и не хватится тебя. Сам не хочу тянуть до завтра.

Ной вернулся к пленнице, вторая часть плана готова, народ собирается, а главный жрец вот-вот подойдет, чтобы извергнуть пламенную речь и взбудоражить праведный гнев в сердцах холминцев. Ной довольно потирал руки. Он – гений, Ризл двумя монетами не отделается.

– И ты совсем не хочешь убить меня? Я же алесцийка, я...

– Да брось ты, – фыркнул тот. – Время тратить на такую безделицу.

– А отомстить за сестру?

– Мсть накладна, и совсем неприбыльна. Ее придумали дураки или богачи.

– А где Титт?

– Не знаю, – пожал плечами Ной.

В недоумении он уставился на узницу, силясь понять, что не так в их разговоре. Алесцийка ответила ему лукавой улыбкой. В самый неподходящий момент его отвлек командор стражи, Альфа нетерпеливо прикусила губу. Если Титта не окажется в городе, ей придется туго. Что Ною дороже, родная сестра или золото? Ответ очевиден.

– Отличный план, – кивнула Алесцийка.

– Спасибо, – почти дружелюбно кивнул он.

– С планами у тебя всегда было в порядке, вот их исполнение обычно хромало.

– Не в этот раз, – прятал он довольную улыбку.

– А теперь давай вместе подумаем, как выбраться из ситуации, в которую ты в очередной раз попал по собственной глупости, Ной Орс, – серьезно заявила она.

Ригоронец напрягся и огляделся по сторонам.

– Да кто ты такая?

– Я – алесцийка, и я не желаю гореть на костре, и совсем не хочу возвращаться к Ризлу. А потому могу прямо сейчас громко и доходчиво поведать всем жителям Седьмого Холма о том, как твоя сестра, Альфиния Орс дошла до Алесции и стала алесцийкой. Более того, она стала южным воином и сражалась в Горном перешейке против войск твоего брата, Торка Орс.

Шантаж и угрозы быстро доходят до Ноя Орс. Тот заметно побледнел, но не спешил сдаваться.

– Да как ты...

– Давай вместе подумаем, кто больше потеряет от моей правдивости.

– Ты лжешь, это не может быть правдой. Я заткну тебе рот...

– Спроси Титтаву Орс, лгу я или нет, – Альфа кивнула в толпу.

Мельком она увидела среди людей знакомое лицо. Ной проследил за взглядом алесцийки. Оставлять шантажистку нельзя, но Титт почти неприличными жестами подзывал к себе старшего брата.

Признаться, это был самый волнительный момент, когда Ной Орс, изменившись в лице, и осознав потерю денег, в панике посмотрел на алесцийку. Взгляд не предвещал ничего хорошего ни младшему брату, ни младшей сестре, и только богам ведомо какие изощренные кары он продумывает в своей белобрысой голове, когда разговаривает со стражей и кузнецом, когда алесцийку под возмущенный ропот толпы и уже подошедшего жреца снимают со столба и уводят в дом Наместника, когда ее вновь запирают в темной комнате, а стража покидает дом.

Ей пришлось подождать всего пару минут, чтобы оказаться в объятиях любящего брата.

– Как? Что ты здесь делаешь? – Титт тряс ее за плечи, вырывая признание. – Как ты оказалась в Ригороне? Зачем?

Альфа очень рада встрече. За тоской по Россу, она упустила из виду, что рассталась с братом, который был ей очень дорог. Как же вовремя он вернулся.

– Это длинная история, – улыбалась девушка. – Ты нашел Лага? С ним все в порядке?

Улыбка сползла с бородатого лица. Он долго смотрел ей в глаза, а затем участливо взял за руку.

– Финн, послушай, не хочу тебя расстраивать...

– Что с ним? Что с моим сыном? – недоброе предчувствие кольнуло сердце.

– Сын? – растерялся Титт. – Я ничего не знаю об этом.

Альфа громко выдохнула, Титт изрядно потрепал ей нервы. Алесцийка вырвалась в знакомый дворик. Из дверей конюшни вышел Ной.

– Он остался у Ризла. Я не взял ребенка с собой.

Глава 5

Днем все собрались в гостиной в восточном крыле дома. Ной заказал обильный обед, Альфа с жадностью накинута на еду. Старший брат с сомнением рассматривал вернувшуюся из мертвых сестру. Нельзя не признать внешнее сходство, еще сопливой девчонкой та была дурной копией отца. Ной, соответственно, красивой копией. Торк и Титтава пошли в мать, они рыжие, волосы волнистые густые.

– Такого роста девицы в Ригороне успехом не пользуются, – буркнул Ной, искоса разглядывая сестру.

– Они пользуются успехом в Алесции, – пошутил Титт. – Как ты угодила в лапы Ризла? Зачем?

– У меня родился сын, ты и сам знаешь наши законы. Я собиралась отправить Лага в Ригорон, у него здесь три дядьки, – улыбалась девушка. – Ризл схватил меня прямо у входа в пещеру. Титт, как думаешь, откуда он мог узнать о пещере?

Мужчина задумчиво опустил ресницы.

– Не от меня.

– Интересно, Ризл уже хватился тебя или все еще тугο соображает? – ворчал старший.

– Ризл – полбеда. Ты, Ной... – недобро ворчал младший. – Твоими стараниями ребенок остался один, а Финн попала на позорный столб. Поворотливый ты малый.

– Ты забываешь, я спас ее от Ризла! – взвился старший.

– Хорошенький спаситель, с дубиной в руках. От тебя другого не дождешься.

– Если хочешь знать, Младший, – Ной грозился вилкой в его сторону, – мне пришлось нелегко. Я сильно потратился, спаивая ее стражников.

– Странно, что ты еще не выставил счет!

– С тебя возьмешь только клочок рыжей шерсти! – взбеленился тот. – Я просил записать все на счет Ризла. Потому что я один пекусь о семье и наших расходах, делая золото порой из воздуха!

– Давай, расскажи о своих делишках, – ругался Титт. – Будто при продаже лошадей ты не погрел руки, укрывая свои теневые доходы. Ты – проходимец! Лихой бог позади тебя завистливо поглядывает из-за плеча.

– Да если бы я не укрывал эти доходы, мы бы побирались у храма на ужин! – возмущался старший. – И чтоб ты знал, Титт, я делал это под угрозой виселицы, потому что все золото должен был отдать в казну. Не тебе болтаться на веревке, ты и рад обвинять.

Финн и Титт переглянулись, Ной жадно засунул за щеку остывающую котлету и зло враждал глазами.

– А теперь вы, перебивая друг друга, расскажите дядюшке Ною все детали, чтобы я знал, как, и главное, зачем вас вытаскивать.

Альфа и Титт рассказали Ною свою историю, избегая ненужных подробностей. Какие уж детали требовались дядюшке Ною, не ясно, но исторические события без привязки к золоту его совершенно не интересовали, а вот все, что касалось доходной части, он выспрашивал особо дотошно.

Братья поведали Альфе свою историю о неудачах Торка, о возвращении Титта, о болезни Брэды. Отец перенес весть о падении сыновей спокойно. Ной уточнил, что, по всей видимости, его разум давно не слышит и не принимает ничего извне. Титтава Орс не совсем безумен, он словно окаменел с тех пор как пропала Аяна, и уже не вмешивается в дела этого мира. Альфа почувствовала болезненный укол жалости к старику. Возможно, он любил Аяну сильнее, чем можно было ожидать.

– То есть, – прикинул Ной, – та алесцийка стала королевой целого города, взяла его казну и воспитала тебя?

– Мама и дядя Лагрид погибли, я вы росла там, мне нужно вернуться назад, домой, – ответила Альфа. – Меня очень ждут.

Титт обиженно свел брови.

– А вот это, где мы сидим, разве не твой дом? – возмутился брат.

– И как ты объяснишь соседям возвращение давно погибшей девочки? – устало спросила она.

Ной сосредоточенно хмурил брови. Ему не отказать в быстром уме и прозорливости. О возвращении дочери Орсов в городе рано или поздно узнают. Сложно будет предъявить Финн холминцам после того, как та стояла у позорного столба. Слухи дойдут до самого Свидарга, будут говорить, как Торк Орс доблестно сражался с южными войнами, а его сестра в это время противостояла Ригорону. И опять же, лишний рот на его шею. Точнее, два.

– Это уже не мой дом, и ты это знаешь. Я вернусь к Пограничным горам.

– Самая малость, – закатил глаза Ной.

– Только не говори, что у тебя нет денег на лошадей, – предупредил младший.

– У меня нет денег на...

– Как ходить по постоянным дворам и спаивать разных проходимцев, у тебя нашлись деньги!

– Я работаю с утра до вечера, – кричал Ной, – а на постоянном дворе искал возможности заработать эти самые деньги для всех нас. Я делал это, в то время как ты отлеживался дома. У нас заложен дом и земли. У меня едва хватает денег, чтобы...

– У меня есть деньги, – осторожно заметила Альфа, и братья наконец отступили друг от друга.

– С...колько? – без тени смущения поинтересовался старший.

– Хватит с лихвой, – заверила она. – Прекратите ссоры, мы выпутаемся. Нужно срочно ехать за Лагом, он совсем один. Что сделает с ним Ризл...

– Ничего не сделает, – отмахнулся Ной. – Ребенок – приманка для беглянки. Ничего с ним не сделается, у хозяина постоянного двора найдется кормилица.

– Я мечтала отдать Лагрида отцу, чтобы тот позаботился о нем, – грустно заметила сестра.

Титт прятал глаза и пожимал плечами.

– Он может остаться у нас. В конце концов, он такой же Орс, как Торк и Ной. Мы сможем о нем позаботиться.

– Да, – согласилась она. – Ему нужно найти кормилицу и няню. Доберемся до гор, я отдам вам золото. Его хватит погасить долги и выкупить дом.

Ной судорожно сглотнул и принялся считать долги. Нет, определенно его план сработал, он принесет семье золото.

– Голос какой знакомый, никак не разберу чей, – проворчала Тайра.

Финн настороженно встречала гостью. Тайра совсем седая, горбатая, старая, шурится, чтобы разглядеть людей. Она опирается на клюку, тяжело передвигает ноги.

– Гости какие? Ной Орс, ты тратишь золото на званые обеды? Должно быть, у тебя в гостях Император, если так. Вчера ты говорил, что денег нет даже на хлеб.

Финн встала из-за стола по привычке, будто и не было пятнадцати лет в Алесции, и нынче ее снова отругают за еду и дурные манеры. Странное чувство, ничем не объяснить, но она поневоле расправила плечи, спрятала под столом большие ступни и взяла вилку в левую руку.

– Кто же здесь? – силилась разглядеть Тайра. – Титтава, совсем плохо вижу. Мужчина какой?

– Это не мужчина. Это я, Финн. Альфиния Орс.

Старуха замерла, будто пыталась припомнить забытое имя. А затем схватила за грудь и рухнула бы на пол, но Титт осторожно подхватил ее и втащил в кресло.

– Девочка, моя, – вдруг взвыла женщина. – Вернулась! Живая! И правда, она? Титтава, скажи, неужели, она? Ной, это наша Финн, живая?

Альфа не знала, что ей делать. Это всего лишь Тайра, которая была ее метлой, запирала в чулане и ругала за каждый кусок хлеба. Она старая, сухая, жалкая, и плачет напротив нее. Финн никогда не видела ее слез, удручающее зрелище.

– Бедная ты наша, – женщина причитала и заламывала руки. – Как же ты выжила в том лесу? Сколько лет бродяжничала, попрошайничала, недоедала! Наконец дорогу к дому нашла. Что же ты там ела, если так выросла? Кто же тебя замуж возьмет?

Альфа снисходительно хмыкнула.

– И не надо замуж, – покладисто согласилась та. – Вернулась, и славно, и даже молодец, что отъелась. Никто не отнимет у нас больше нашу девочку!

Альфа с жалостью посмотрела на старуху.

– Не обращай на нее внимания, Финн, – махнул рукой Титтава. – Она долго будет причитывать про бедную девочку, про платья, которые она залатала для тебя, про блюда, что ей посоветовала жена судьи, и которые позволят девочке есть и не стать большой. Она с тех пор только о том и говорит. Обувь собирает: «Финн будет донашивать, когда вернется».

– Ты не говорил мне...

– Никто не хотел терять тебя, Финн. Тайра все эти годы только тем и живет. «Вернется наша девочка, и все станет по-прежнему».

Титт заверил женщину, что Финн никто не заберет, и помог ей вернуться в свои комнаты. Альфа долго смотрела за ними из окна. Ни злости, ни обиды, ни гнева не осталось в ее сердце. Только жалость и глухая тоска в груди. Тайра любила маленькую Финн, пусть и своей особенной любовью. У нее не было детей, у нее была только Финн, девочка, которой она посвоему желала счастья.

Встреча затянулась до позднего вечера. Альфа чувствовала усталость, братья решили отложить все проблемы на следующий день. Ной тоже клевал носом, последний день выдался особенно тяжелым. Ему показалось, что его голова едва коснулась подушки, когда у двери раздался грохот.

Что за гости в эдакую рань? Дверь крепкая, может выдержать многодневную осаду, пусть колотят. Грохот не прекращался. Ной закопался в подушки, но дом буквально ходил ходуном от сотрясений.

Ризл!

Награда за алесцийку будет вести Луэйма Ризла даже сквозь серные реки подземных богов. Ной распахнул окно и выглянул на улицу. Надо полагать, Ризл зол настолько, что будет мудрым вести переговоры с места.

– Зачем пожаловали, уважаемые?

Луэйм задрал голову и увидел своего недавнего собеседника. Наглая улыбка Орс видна даже в кромешной тьме. Лихой бог служил натурой для своего двойника.

– Нужно поговорить, Орс, – гость сдержался от того, чтобы высказать прежде времени все, что думает об этом мерзавце.

– Ризл, я всегда знал, что твои манеры подходят только, чтобы волочиться за селянками. Меня не затруднит открыть тебе дверь в мир воспитанных людей. Мой возлюбленный школьный друг, для визитов ты выбрал не самое удачное время.

– Ах, ты... – несчастный с трудом сдерживал ругательства. – Орс, для визита, который совершается во благо Империи, время самое удачное. Я посланец Императора!

– В самом деле? Ты ничего не говорил мне о посланце Императора. Насколько я помню, речь шла о Россене Ялагре.

– Так и есть!

– Как ты мог говорить, если был пьян, будто матрос на суше. Ты и двух слов связать не мог.

Ризл громко заскрипел зубами.

– Но я всегда рад принять у себя в гостях посланца Его Императорского Высочества, – пропел Ной. – Однако придется обождать, чтобы быть принятым подобающим образом.

– Прошу, без всяких там церемоний, – взревел Ризл.

– Как можно, – на лице хозяина расплылась многообещающая улыбка.

Ной успел одеться, разбудить Титтаву и Финн, спрятать беглянку в потайном месте, а также на ходу перекусить, чтобы не кормить неожиданных гостей и не тратиться понапрасну. К тому моменту, как Ризл вломился в дверь разъяренным зверем, истекли все возможные сроки хороших и даже дурных манер.

– Ты увел ее у меня! – ревел гость.

– На ней не было клейма. Ты заверил, что у тебя отличные стражи. Я и подумать не мог, – изворачивался хозяин. Это дело удавалось ему лучше прочего.

– Где она?

– Что значит, где она? – нарочито возмутился мужчина. – Тебе ли не знать, где она. Ризл, я изложил все в письме. Ты не получил его? Ах, как плохо нынче ходит почта! Итак, некую подозрительную женщину отловили близ города, опознали, как алесцийку, и передали страже. Те, согласно предписаниям, отправили ее к столбу. Замечу, все это время я спал, едва мог участвовать в этом деле. Как только стало известно, что алесцийка принадлежит императорскому посланнику, то есть, тебе, ее сняли с позорного столба, вернули в острог, а затем в сопровождении охраны она отправилась на постоянный двор.

– Лжешь! – взревел тот.

– Ты можешь спросить у командора городской стражи.

– Будь ты проклят, Орс! Будь проклят день, когда несчастная женщина произвела на свет исчадие подземных богов в твоём лице!

– Меня заверяли, это был чудесный зимний день. Еще днем она покинула Седьмой Холм, – развел руками Ной.

– Я не встретил по пути никого.

– Вы могли и разминуться.

– Я обыщу твой дом и переверну город вверх дном, – угрожающе хрипел Ризл.

– Ну, если у тебя нет более неотложных дел, – хозяин подхватил со стола последнее яблоко и беспечно развалился в кресле, вытянув ноги.

– У меня есть одно неотложное дело, свернуть тебе шею. Кто может подтвердить твои слова?

– Все.

– Кто все?

– Все. Спроси любого на улице.

И действительно, любой обыватель Седьмого Холма мог рассказать, что алесцийку освободили и увели прочь. Ной нарочито шумно грыз яблоко, его в эти игры не переиграть. Его в эти игры даже нынешний Наследник трона не переиграл.

– Ты напрасно тратишь время. Уверен, она дожидается тебя на постоялом дворе.

– Верить такому мерзавцу, как ты, может либо дурак, либо неразумное дитя.

– Мой сын не лжет. Я могу подтвердить его слова.

Ной подскочил с кресла, едва не подавившись огрызком яблока. Луэйм Ризл застыл в немом изумлении. Перед ними стоял Наместник Седьмого Холма, Титтава Орс. Его вид говорил сам за себя. Высокий мужчина преклонного возраста взирал на непрошеного гостя, как и

подобает вельможе, величаво, чуть свысока. В нем кровь княжеских домов Дэвони и Натигэллов, он – незаконнорожденный брат обоим князьям, весьма непростая личность.

Седые волосы обрамляли осунувшееся лицо, губы сжаты в тонкую линию, одежда мешком спадала с исхудавших плеч. И никакого безумного блеска в глазах, никакой отрешенности и пустоты. Цепкий волевой взгляд, ясные глаза, синие, как у его насквозь лживого сыночка.

– В этом городе ничего не происходит без моего ведома, – гроыхал его голос. – Ной – послушный сын, он исполняет мою волю.

– Твой отец отошел от дел, не правда ли Орс? – тихо процедил Ризл.

– Близ города поймана преступница, по виду алесцийка. С парой сопровождающих ее отправили на постоянный двор.

Луэим не знал, во что ему верить. Одно он услышал точно, и это не могло не волновать:

– Пара сопровождающих?

– Это были заезжие люди, – равнодушно отмахнулся Наместник. – Я посчитал возможным положиться на их честность за хорошее вознаграждение. Женщина безоружна и спешила к ребенку

– Им дали пять золотых монет, – вставил свое слово Ной. – При случае хотел забрать, но раз уж ты здесь, верни деньги.

– Она стоит десятка!

– Десять монет?

Ризл взревел и бросился вон из дома. Он потерял время, она ускользает из его рук все дальше и дальше, а Орсам нет дела до того. Они и не знают, каково это, вытаскивать отца из острога.

– Впервые твоя прыть принесла пользу, – хмуро признал отец.

– Девчонке небезопасно оставаться в доме. Ей надо вернуться в...

– Альфиния останется дома, – утвердил Титтава Орс и устало опустился в кресло. – Она моя дочь! Никто не в праве тронуть ее. Нет таких законов, а что подумают люди, мне плевать.

Ной все еще не мог прийти в себя. Перед ним стоял настоящий Титтава Орс, тот самый, что много лет назад внушал трепет и уважение целой армии, тот самый, что держал в руках город, и одного его слова было достаточно, чтобы навязать свою волю. Ризл растерял остатки сомнений при одном виде главного Орса. И как вовремя он вмешался!

Альфа не рассчитывала на помощь отца хотя бы потому, что тот никогда не жаловал свою дочь не только любовью, но и самым малым вниманием. Ей всегда казалось, что тот с трудом представляет, что за неуклюжая девчонка лазает по двору и прячется от его сурового взгляда. Он никогда не разговаривал с ней, никогда не называл по имени, не подарил ни одного отеческого поцелуя, ни одного ласкового слова.

Финн не остановилась и не остановила мать в ту ночь, в том числе потому, что отца в ее жизни не было, и в причинах того она давно перестала копаться. Возможно, он испытывал к Аяне нежные чувства, негодовал на ее холодность, но к девочке это не имело никакого отношения, и та ощущала себя найденышем, о существовании которого хозяин дома узнал слишком поздно, чтобы избавиться.

Но это дело давно минувших дней. Нынче Хозяин дома сидел в кресло напротив дочери. Где-то в глубине души Альфа злорадно отметила, что впервые ему трудно ее не заметить. Перед ним стояла не маленькая испуганная Финн, а алесцийка ростом с Ноя, в одежде самой вызывающей по ригоронским меркам, с волосами, убранными варварским образом. Перед ним стояла женщина, синеглазая и светловолосая, похожая на Ноя и самого Титтаву.

– Ризлы, – проворчал старик. – Столичные выскочки! Даже не благородного происхождения, простолюдины, в то время как в Орсах течет кровь князей Дэвони и Натигэллов, ведущих свой род от князей Объединенных княжеств.

Дочь вернулась буквально из мира мертвых, а все, что он нашелся сказать, вновь не касалось самой Финн.

– Жалкий червяк, – подтвердил Ной. – Его отец был советником при Императоре и Рестиане Ялагре, и по слухам, являлся его первым любовником...

– Довольно слухов, – оборвал его отец. – Зачем ему потребовалась моя дочь?

– Он исполняет волю Наследника трона. Взамен он получит помилование и назначение Наместником южных провинций. Луэйм Ризл и Наместник южных провинций! – завистливо присвистнул Ной. – Ему даже со мной управиться непросто, куда уж...

– Может и непросто, однако ж на его стороне власть и бумаги, – гаркнул главный Орс.

– Зачем алесцийка потребовалась Ялагру? – спросил старший брат.

Альфа пожала плечами, Титт за ее спиной хмурил брови.

– Им нужен проход через горы. Я – проводник, я знаю дорогу.

– После Горного перешейка не могут уgomониться, – понятиливо кивнул отец. – Россен Ялагр умеет добиваться своего. Ему нужен Горный перешеек.

– Откуда он мог узнать о пещере до сих пор не пойму? – возмущалась девушка.

– Можно только догадываться.

– В таком случае пусть Ризл поищет другого проводника, – мудро заметил отец. – Где Аяна? – его слова прозвучали, словно молот в кузне.

– Ее нет, – ответила Альфа. – Она умерла от укуса желтой змеи на южной стороне Тиса.

Орс принял ее слова с ледяным спокойствием. Никаких отцовских чувств, Альфу кольнуло неприятное чувство обиды.

– А ее брат?

– Погиб в день Праздника двух солнц от удара Долана Вирса. Аяна погибла днем позже. Орс понимающе кивнул головой.

– А Финн выжила, – вступился за сестру Титтава. – Я обязан ей жизнью и свободой.

– Она что-нибудь говорила... перед смертью? – его скула дернулась от напряжения.

Этот разговор давался ему нелегко. Мысль о том, чтобы пожалеть старика, промелькнула в ее голове. Но воспоминания о смерти матери заставили ее говорить только правду:

– Она говорила для меня. Она велела мне стать алесцийкой. Кен стала мне приемной матерью.

– Кен?

– Та алесцийка, помнишь? – зловеще прошептал Ной.

– Помню, – старший Орс устало потер переносицу. – Что ж, пусть боги хранят ее. Она растила мою дочь.

– Которая выросла алесцийкой. И очень хочет вернуться домой, в Алесцию, – напомнила Финн.

Седые брови сошлись в тягостном раздумье.

– Вернуться домой, в Алесцию, – задумчиво повторил Старший. – Ной, подготовь все для отъезда.

С побегом решили не тянуть, Ной отправился готовить бумаги, Титт ушел в город за лошадьми, Альфа с Тайрой подбирали одежду в сундуках старшего брата. Женщина причитала и охала, разглядывала поджарую алесцийку, ужаснулась ее длинным ногам и рукам, поцокала на маленькую грудь и звала Брэду взглянуть на их маленькую девочку. Альфа с каким-то особым трепетом принимала ее поддержку и внимание.

Брэда стенала и охала, но выползла из своих комнат. Она крайне располнела и словно уменьшилась в росте, ее макушка на уровне груди Финн. Женщина заключила гостью в объятия, громко расплакалась и поблагодарила за возвращение Титта. Ее сын вернулся из кровавой бани, она знала, кто тому причина. Тайра повисла следом, желая завоевать внимание своей

девочки. Она показала ей комнату и мастерскую Аяны, где ничего не меняли с того злополучного дня.

– Что бы я делал на месте Ризла? – Ной мерил комнату широкими беспокойными шагами.

Никто не вмешивался, этот Орс создан плести интриги и выпутываться из самых безнадежных ситуаций. В этом ему уступал и Торк, и Титт, и сам Титтава Орс. Золота на этом деле он еще не получил, и потому отступать не собирался.

– На месте Ризла я бы сделал три вещи. Во-первых, перекрыл все дороги на юг. Алесцийка, то есть, Финн, направится к горам. А у меня, то есть Ризла, с собой пятьдесят головорезов, более чем достаточно.

Альфа и Титт согласно кивнули.

– Во-вторых, я бы глаз не спустил с этих проклятых Орсов, то есть, с нас. Ной Орс, то есть, я, лжет, он всегда лжет. Зачем, это уже другой вопрос, главное: Орсы, то есть, мы, последние, кто видел алесцийку. И то, что она не доехала до постоянного двора, а она не доехала, лишь подтверждает подозрения.

Альфа и Титт вновь согласились с разумными доводами.

– Задерживать Орсов именем Императора, я бы не стал. Они могут вывести на след беглянки.

– Спасибо, тебе Ризл, хотя бы задерживать не стал, – ворчал Титт.

– Пожалуйста, – великодушно ответил Ной. – И в-третьих, я бы расставил сети возле младенца, алесцийка за ним вернется.

Альфа сошла с лица. Ной сложил руки на груди и закусил губу. Он, все-таки удивительно красив, этот светловолосый мужчина с синими глазами. Только во взгляде такая хватка, что и лихой бог постерегся бы.

– Может оставим ему ребенка? Рано или поздно он бросит это дело.

– Ты в своем уме? – взбеленился Титт. – Он не игрушка, чтобы его забыть. Он должен вернуться домой, его дом здесь.

– Или с его отцом, – добавила девушка.

– А кто у нас отец? – Ной наклонился над сестрой и пылливо взглянул в лицо. – Кто разбавил княжескую кровь своей грязной водицей?

– Какая разница, кто его отец? – возмутился младший брат. – Его нет здесь, он далеко и мало чем поможет.

Ной недовольно поморщился. Задача усложняется с каждым часом, младенец портит все планы. Если бы не он, Ной уже собирался к горам, где хранится золото Альфы. За ним он готов лезть в пещеру и тащить на себе через все южные провинции.

– Торк Орс мог бы помочь, – спорил Ной. – Он скоро должен вернуться. От Северной Навадны путь неблизкий, но прошло уже несколько месяцев....

– Что он делает так далеко на севере? – удивилась Альфа. – Это же самая грань Ригорона.

– Он решил сопровождать торговые караваны через Северную степь.

– Генерал армии? Сопровождать караваны?

– Он уже не генерал, разжалован и изгнан из армии, – пояснил Титтава. – Он будет сопровождать торговые караваны в Агарон, стража от кочевников. Я поеду с ним, когда все уладится. Ной должен остаться в Седьмом Холме. Он единственный, кто с этим справится.

– Я напишу Торку, попрошу отправиться за нами следом, – подытожил Ной.

– Не стоит его отвлекать, мы справимся сами, – воскликнула сестра. Вот уж, встретиться с ним после переговоров в южном предгорье не лучшая затея.

– Было бы от чего отвлекать, – закатил глаза Ной Орс и прикинул, как быстро окупится идея с караванами.

– Торк учится жить без армии. Ему нелегко, – защищал брата Титтава.

– Мне очень легко! – взвился Ной. – Я из кожи вон лезу...

– Кто бы сомневался, змеи меняют кожу пару раз в год. Он – боевой генерал, он не может жить иначе. Как ты...

– Я смог, и он сможет!

Братья на миг запнулись, разжал и кулаки и посмотрели на притихшую девушку.

– Мне жаль, что так вышло, – раскаивалась сестра, памятуя свое участие в их падении. – Торка жаль, отца, лошадей. Дом жалко, вас. Я, наверное, очень плохой человек, а вы пытаетесь мне помочь.

Уже через час все было готово к отъезду. Бумаги, лошади, одежда, припасы и даже удобная корзинка для Лагрида. В корзинку Титт положил серебряную ложечку для молочных зубов. Тайра собрала одеяльца и одежду для малыша. Она посетовала, что будет не девочка, но уже предвкушала младенца в доме. Лишь перед самым отъездом Альфа нашла возможность спросить Титта о том, что гложет ее уже давно, но за суматохой встречи затерялось:

– Ты ничего не рассказал мне о том, что произошло, когда вас обнаружил патрульный отряд. С Россом все в порядке?

– Более чем, – поморщился Титт.

– Ты слышал, что с ним случилось? Где он? Что делает?

– Наверно, – замялся Титт, – вернулся домой.

– Ты ничего не знаешь? – догадалась она.

– Мы не были особыми друзьями. У него своя жизнь, Финн, своя семья.

– Ты хочешь сказать, он завел новую семью? – поникла она.

Титт пожал плечами.

– Финн, он – ригоронец, ты – алесцийка. Он вернулся в свой дом, он рвался туда всеми силами. Такой человек не останавливается ни перед чем, он добился своего, и мы ему не нужны. Забудь о нем.

– Забыть, как он забыл обо мне?

Альфа задумчиво поправляла сбрую у лошади. Чего же она ждала? Что он, гордец и упрямец, будет тосковать по ней, мечтать о встрече и хранить верность? Будет жить воспоминаниями об алесцийке, чья кожа усеяна шрамами и ссадинами?

Нет, она не ждала этого! Да, она ждала этого!

– Отец хотел проститься с тобой, – сообщил Ной.

Альфа направилась к южному крылу здания и без труда отыскала комнату отца. Титтава Орс сидел в кресле возле окна в полумраке свечей. Заслышав ее шаги, он обернулся. Альфа в нерешительности застыла у двери.

– Я был плохим отцом, я не хотел этого, – старик склонил голову. – Не держи на меня зла. То, что ты жива... я перестал надеяться на такое счастье.

От этих искренних слов у Альфы защипало в глазах. Она еще не испытывала к нему дочерней привязанности, но уже не таила обиды.

– Так вышло, они хотели забрать у меня дочь.

– Они? – насторожилась Альфа. – Ризл и...?

Титтава Орс тяжело вдохнул.

– Дэвони, их идея. Забрать девочку к себе. Ричал Дэвони был здесь проездом, тебе было года четыре. Своих дочерей у него нет, ни сестер, ни внуков. Он решил забрать мою, чтобы вырастить ее в Орлином гнезде, своем замке. Он хотел сделать из тебя настоящую княжну, утонченную, образованную, величественную.

– Меня забрать?

– Он мой брат, но брак нашего отца с княжной Натигэллов не признали. Меня объявили незаконнорожденным, лишили титула и всех привилегий, все отдали Ричалу, рожденному от второго брака. В обмен он предложил поддержку моим сыновьям, карьеру в армии или должность при дворе.

Альфа не верила своим ушам. Она ничего не знала о такой правде.

– А потом и Натигэллы поспорили с Дэвони за право воспитывать девочку. У них тоже нет дочерей, у Гарета Натигэлла дочь, она с детства слабая, болезненная, с кресла не встает. Ему тоже нужна была девица, а в тебе кровь обоих княжеских родов.

– Зачем?

– Тебя должны были забрать в десять лет. После Праздника двух солнц мы ждали гостей. До того нужно было, чтобы девочка не захворала и не умерла. Дэвони наказали следить за тобой, чтобы не располнела и не набралась дурных манер.

– Вот оно что.

– Тайра хотела, как лучше. Ты быстро росла, она боялась, что ты не станешь княжной, не понравишься им.

– Трудно поверить...

– Дэвони велел не привязываться к ребенку, тяжелее будет расставаться, – голос мужчину подвел. – Я пытался следовать его совету...

– Аяна знала?

– Она была против, она не хотела, мы ссорились из-за того.

– Ты мог им сказать: «Нет»! – возмутилась Финн, отчего голос ее изменился, стал жестким, таким же, как у самого Титтавы.

– Не мог! – воскликнул он. – Ты не знаешь, о чем говоришь! Ты не ведаешь, какие силы за этим стоят. Им не нужны мои мальчишки, они лишние, своих сыновей хватает. Им нужна была только ты. Они угрожали, в обмен сулили золото и светлое будущее моим сыновьям. Натигэллам хватило влияния, чтобы сына провинциального Наместника и отставного генерала сходу представили Императору. Я думал, что всем будет только лучше, и моей дочери тоже.

– Растить в чужом доме? Зачем? Зачем это нужно?

– В княжеском доме! Стать княжной! Девица нужна для брака с Ялаграми. Сейчас ты была бы женой одного из них, а не бежала от него.

– Меня выдали бы замуж за Россена Ялагра? – с ужасом спросила она.

– Император сам решает с каким из сыновей заключить такой высокородный брак. За старшими сыновьями стояли Великие князья Лореновры и Говеллуны, их матери из этих родов, за средними Тирэллы. Младшему высокородный брак нужен был больше остальных, он не слишком родовитым вышел. А Дэвони и Натигэллы за твоей спиной – лучшая поддержка трону и будущему Императору. Они – Великие князья, их род связан с основанием Ригорона, у них земли на востоке и северо-востоке Империи.

– И ты хотел этого! – обвиняла она.

– Породниться с Ялаграми – очень хорошо для моих сыновей. Торка не вышвырнули бы из армии, как провинившегося мальчишку. Ни Дэвони, ни Натигэллы пальцем не пошевелили, заступиться за него. Они разозлились, они не получили девочку. Подумай, в их руках жизни и судьбы. Тот же Ризл, думаешь, по своей воле в горах искал проводника? И сдастся ли он, когда на весах жизнь его семьи? Это политика, она пропитана кровью, мне ли не знать.

– Аяна знала, и Лагрид Кифа знал, – выдохнула она. – Вот почему бежали. Они не хотели мне вашего будущего. Они погибли ради того, чтобы меня не использовали как разменную монету. Торк знал?

– Нет, – встрепенулся отец. – Я не говорил ни ему, ни мальчишкам. Я один виноват, во всем виноват. Я не смог им противостоять.

– Аяна нарушила их планы, а была куда как слабее тебя.

– Она оказалась сильнее меня! – рявкнул отец.

Насмешка богов. Однажды он насильно забрал из семьи кузнецов юную красавицу в уплату долга. Пришло время, и у него отбирали дочь столь же вероломно и безжалостно. И

он также кричал, что породниться с Ялаграми, это ли не честь, а сам со страхом таил правду от сыновей.

– Аяна думала только о собственной дочери, я должен был думать о всех. Кто позаботится о моих сыновьях? Наместником Седьмого Холма может стать только один, а их трое. Что будут делать остальные? Торк должен был стать генералом армии. Титт закончил Военную школу в Гредене, он хотел стать капитаном военного корабля, и не стал им, потому что их назначают лично Ялагры. Мне нужны были связи, чтобы дать им возможности.

– Ценою жизни дочери!

– Тебя я устроил лучше всех дочерей. Княжеский брак и договор к нему обезопасил бы тебя от всех случайностей.

– С нелюбимым человеком!

– Гм... даже Ялагры не могут позволить себе жениться по любви.

– Это неправильно!

– Ты принесла своего сына в Ригорон. Ты заботилась о его будущем, хотя он совсем малец.

Альфа опустила ресницы и согласно кивнула. Отец прав, она думала о будущем своего сына и дала бы ему только лучшее.

– Я любил ее. Она не сильно страдала?

– Нет, – сжалась Финн над стариком. В тот день Кен сказала ей такую же неправду.

– Я сделаю для тебя все. Не думай, что мне безразлична была собственная дочь. Лучше, чтобы ни Великие князья, ни Ялагры не узнали о тебе. В тебе кровь двух князей, ты все еще молода, а Наследнику как никогда нужен сильный княжеский брак и поддержка. Император умирает, пришло время делить власть.

Альфа даже растерялась от подобного предположения.

– Я – алесцийка, у меня ребенок.

– Кого из них это остановит в борьбе за трон и влияние на восходящего Императора? Твое темное прошлое даже не вспомнят, а ребенка... – старый Орс покачал головой. – Рядом с тобой он в очень большой опасности. Беги!

– Спасибо... Папа. Позаботьтесь о Лагриде, и его будущем.

– Лагрид, – кивнул отец. – Как я гнал этого кузнеца, а он стал мне первым внуком.

Альфа поняла, что на этом закончился их разговор. Она ждала его всю жизнь, и вот наконец узнала правду и услышала нужные слова.

Глава 6

План хлипковат, но другого в их ситуации не нашлось. Все одно, пойдет вкривь и вкось, если вспомнить все задумки Ноя. Старший взялся отвлечь Ризла и его людей, Альфа и Титт заберут ребенка из дома. Ной въехал на постоянный двор в сумерках, не торопясь спешил к конюшне и вошел в общий зал, слабо освещенный тусклыми свечами. Все тихо, завсегдатаи, знакомые лица и путники, что появлялись на ночь и исчезали навсегда. Здесь сидел и сам Ной два дня назад в ожидании нового дельца, и теперь он испытывал настоящий азарт. У Ризла пять десятков головорезов, у Орса только смекалка и пара сомнительных помощников.

– Эй, Ризл, выходи. Я знаю, где алесцийка, – громко гаркнул Ной.

– Я тоже знаю. Она с тобой, – раздался раздраженный голос.

Тем временем Альфа нетвердо волочила ноги мимо знакомого сарая и подвывала пьяную песню. Выходило знатно, ей издали подпевал местный бродяга, в стороне завывала собака. Признаться, она и в трезвом состоянии пела также, но суть задумки не в этом. Ей нужно убедиться, что младенца в помещении нет. Альфа призывно проорала самый сальный куплет в окно. В сарае ребенка нет, он непременно одобрил бы ее мастерство ответным угуканьем.

Титт делал самую тяжелую работу, он лез по стене в хозяйские спальни. Оттуда со слов Ноя в прошлый раз раздавался писк младенца, и там Ризл мог пристроить подкидыша. При плохом стечении обстоятельств головорезы Ризла схватят младшего Орса, но он всего лишь пьяный повеса, что лез на свидание с местной красоткой; кем бы она не оказалась, нянька, кухарка, уже на месте можно выбрать «предмет обожания». При хорошем стечении обстоятельств Титт найдет ребенка и вытащит его из дома.

Мужчина осторожно распахнул окно, прислушался и перелез через подоконник. Рядом две детские кроватки и женщина, уже открывшая рот для громогласного крика. Роба у посетителя разбойная, многодневная рыжая щетина и прищур лихих глаз. Он спрыгнул с подоконника и дал знак, чтобы женщина молчала.

К Ною устремились сразу несколько теней. Тот, не мешкая, ухватил стул и швырнул его в ближайшую разудалую компанию. Мебель с грохотом пролетела по залу, встречая ответный недовольный ропот. Такое здесь выделявали нечасто, заведение приличное, хозяин рачительный. Он знал Ноя Орса, постоянный двор построен на деньги, взятые в рост у его отца и Наместника Седьмого Холма, весьма уважаемого человека. Сейчас тот окружен заезжими путниками, намерения у тех самые недвусмысленные, Ной вопит и сопротивляется, его поддерживает местная братия.

– Воры! – громогласно завопила со второго этажа тетка. – Воры!

Альфа дернулась, Титт попал в западню, это сигнал к действию.

Ной в суতোлке наводил еще большую суতোлку, вопил проклятия и перевернул бочонок с пивом. Ему на помощь бросились знакомые пьяные хари, хозяин огрел одного пришлого кувшином по голове. До него уже дошли слухи, что эта компания переполошила все постояльце дворы от самых Пограничных гор, дурная слава тянется за ними плотным шлейфом, они и здесь решили попортить кровь добропорядочным людям. Напрасно Ной Орс сдружился с ними два дня назад.

С лестницы слетела объемная бабища, замотанная в накидку и с колыбелькой в руках. Она не своим голосом звала на помощь и обличала воров на пределе связок. Ее истошному вою уже вняли люди Ризла, десяток головорезов бросились на второй этаж. Тетка орала, мешалась на лестнице под ногами и успела заехать одному в пах, а второму в рыло.

– Воры! Помогите, люди добрые! Детей воруют, грабуют! Чего ж деется!

Тетка выскочила на улицу, оглушительно вопя. Она растолкала зазевавшихся постояльцев, прокладывая себе дорогу к конюшне тычками и затрещинами. У нее в руках колыбелька,

Альфа перехватила женщину за плечи. Та продолжала вопить, ее лицо исказилось от волнения, но при виде сестры Титт умолк и скинул накидку с головы. На нем огромная темная штора, кто в суматохе отличит штору от платья и накидки? Брат счастливо улыбался и протягивал женщине добычу. Оттуда на нее смотрели заспанные глазки чужого дитя.

Ной задышался под несколькими телами, придавившими его к полу. Вокруг разрасталось целое побоище из недовольных посетителей и людей Ризла. Трещали кости, мебель, посуда, он слышал звук рвущейся одежды и отборную ругань участников свалки. В бок ткнулся грубый ботинок, Ной взвыл от боли и попытался выползти, на руку наступили, он взвыл еще громче.

Ной почти потерял сознание, когда двери общего зала ударились о стены, и в помещение влетела взволнованная Альфиния.

– Я уж думал, ошибся, – раздался знакомый голос из зала.

– Иди к лихим богам, Ризл, – взревела женщина. – Где ребенок?

От такого напора опешил даже бывалый служака. Его томительное ожидание вознаграждено сполна, она здесь, в его руках, час триумфа настал, но девка вернулась с недобрыми намерениями, сунула ногой в морду ближайшему головорезу и добила рукоятью меча.

– Сейчас же, – заявила она. – Пошли людей, пусть принесут ребенка. Я хочу знать где он! С ним все в порядке?

– С ним все в порядке, пока ты без оружия, – Луэйм сбавил тон беседы и примирительно поднял руки. – Предлагаю не ссориться и продолжить наше увлекательное путешествие к белокаменному императорскому дворцу.

Альфа швырнула на пол мечи, ногой ударила последний уцелевший стол и поспешила в комнаты на второй этаж. Ризл с облегчением выдохнул и вернулся к делам менее важным.

– Ной Орс схвачен, – доложили ему, тот сухо кивнул в ответ.

– Проверь, был ли кто еще. Не мог же он один везти ее? Тащи сюда Орса!

Ноя соскребли с пола и подволокли к Ризлу, расположившемуся в укромной уютной нише. Орс смотрелся помятым, кожаная куртка порвана на правом плече, рубашка разошлась до пупа, волосы всклокочены, под глазом темным цветом наливался синяк. Орс настолько зол, насколько сам Ризл доволен жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.